

Елена Довгаль

ЖЕЛО

мистера Болта

Елена Довгаль — современная российская писательница в жанре исторического детектива, психологии и поэзии.

Елена родилась в 1983 году в Москве. Окончила медицинскую академию, а также МГПУ. В настоящее время работает в области психиатрии и психоанализа. В 2013 году была номинирована на национальную премию в области поэзии.

Елена — натура увлекающаяся, имеющая множество интересов и хобби: «любое творчество, в том числе литература, несет в себе глубокий символизм и архетипическую подоплеку, именно это и позволяет читателю заглянуть в суть мифологемы или персонажа и идентифицировавшись с ним, разрешить для себя внутренние задачи или конфликты». Именно это, на взгляд Елены, и составляет одну из основных целей творчества.

Елена Довгаль

Дело мистера Болта

Лондон 1864 года. Я направляюсь в дом некоего господина Рэмона, крупного торговца и владельца многих предприятий нашего города. Думаю, что позвал он меня неспроста. Еще все утренние газеты пестрили ярким заголовком: «Эрин Рэмон — новая жертва «Апостола». Да, в последнее время эта тема, тема убийств, нависла над Лондоном, словно грозовая туча. Каждый день все новые и новые трагедии, происходившие на темных улицах города, приводили в ужас его жителей, загоняя их по углам своих домов, словно уличных крыс. «Апостол» стал настоящим бичом Лондона. Пролывая свой якобы праведный гнев, он безжалостно расправлялся с жертвой, оставляя каждый раз на ее теле послания «грешникам». Эрин Рэмон — старшая дочь господина Рэмона — была, безусловно, яркой фигурой в светской жизни города, о ее похождениях возможно было слагать легенды. Но кто так жестоко мог расправиться с красоткой Эрин, оставалось загадкой.

Дойдя до дома Рэмонов, я позвонил в дверь. Ее открыл лакей мистера Рэмона, худощавый человек средних лет с уже показавшейся небольшой сединой. «Сэр, — сказал он учтиво, — мистер Рэмон ждет Вас в своем кабинете». После чего, пригласив жестом, он проводил меня в кабинет мистера Рэмона.

Дом семьи Рэмонов напоминал резиденцию прежних веков. Это был огромный особняк в несколько этажей. Снаружи он был выложен белым камнем, у входа красовались массивные колонны на античный манер, увитые плющом, который сейчас смотрелся, увы, не так, в силу осенней поры. Внутри дома было огромное количество комнат, переплетенных между собой множеством коридоров и переходов. Кабинет мистера Рэмона находился на третьем этаже особняка. Попасть в него можно было, пройдя по главной лестнице, соединяющей между собой все этажи. В кабинете было тепло и уютно. Свет, исходящий от горящего камина, разливался по всей комнате, наполняя ее мягким сиянием. В дальнем углу комнаты, глубоко погружившись в высокое кресло, сидел мистер Чарльз Рэмон.

— Проходите, мистер Болт, — сказал он тяжелым, слегка приглушенным голосом. — Вы, конечно, уже слышали о гибели моей старшей дочери Эрин. Это случилось прошлой ночью. Ах, бедная моя девочка, — причитал мистер Чарльз. — Я позвал Вас не просто так, мистер Болт, а с намерением просить о помощи.

— Я хочу, чтобы Вы провели свое расследование.

— Да, но вся полиция Лондона уже занимается этим делом, к тому же не один месяц, чего же Вы ждете от меня?

— Да, — согласился он, — занимаются, но как мы с Вами видим, пока это не дало очевидных результатов, — с грустью сказал он. — Я много слышал о Ваших заслугах, мистер Болт. И надеюсь, мне не придется услышать отказ на мою просьбу. О расходах можете не беспокоиться, собственно, так же, как и об оплате Ваших трудов.

После этих слов мистер Рэмон внимательно посмотрел, как бы мысленно прося меня о согласии.

— Ну что же, я готов оказать Вам помощь, мистер Рэмон. И сперва мне бы хотелось поговорить о мисс Эрин. Расскажите мне о ее образе жизни, последних днях, и, возможно, новых знакомствах.

— Эрин, — начал он, — всегда была в центре внимания. Знаете, ни один званый ужин или бал не проходил без ее участия. Конечно, и кавалеров у нее было более чем; много знакомых, друзей, уследить просто невозможно. Она, в отличие от своей младшей сестры Ален, вела весьма яркую жизнь. Поэтому предположить чью-либо вину я не могу и боюсь, что это все, что я могу Вам сообщить, мистер Болт. Сожалею, что моя информация так скудна.

— Благодарю Вас. Я надеюсь, что Вы не будете против, если я осмотрю комнату мисс Эрин и поговорю с ее сестрой?

— Конечно, Бэрон проводит Вас в комнату Эрин.

После этих слов мистер Рэмон позвонил в маленький колокольчик, лежавший в кармане его халата, позвав уже знакомого мне лакея. Поблагодарив мистера Рэмона и получив некую часть обещанной мне суммы, я последовал за лакеем. Вновь оказавшись у главной лестницы, мы спустились этажом ниже и, пройдя по длинному коридору, уперлись в дверь покоев мисс Эрин. Отперев дверь ключом, лакей сделал все тот же учтивый жест, предложив мне войти, после чего, оставив меня наедине с моими мыслями, удалился.

На первый взгляд, комната Эрин была типичной дамской комнатой, которая не могла скрывать абсолютно ничего. Большая кровать с роскошным шелковым балдахинном. Изящный туалетный столик с мягким пуфом подле него. Ширма, выполненная на французский манер. Стол с письменными принадлежностями, стоявший в углу комнаты. И, конечно же, огромное количество платьев, шляпок и прочих дамских радостей. В комнате было немного прохладно и темно. В воздухе отчетливо ощущались скорбь и печаль, наполнившие прошлой ночью дом Рэмонов.

Осмотрев комнату и не найдя ничего особенного, я вышел в коридор и, услышав звуки музыки, доносившиеся до меня из-за дверей соседней комнаты, направился напрямик туда. Неслышно приоткрыв дверь, я увидел прелестнейшее создание, сидевшее вполборота и перебиравшее тонкими пальчиками струны арфы. Как я понял, это была мисс Ален — младшая дочь Рэмона. Миловидное личико, лет восемнадцати, окаймленное роскошью волос цвета темного ореха. Тонкая шея, плавно переходящая в еще нежные детско-дамские прелести, украшенные дорогим колье. Сделав вид, что я только что зашел, я тихонько постучал в уже приоткрытую дверь, сказав:

— Разрешите войти, мисс? Меня зовут мистер Болт, Ваш отец нанял меня провести расследование касательно гибели Вашей сестры.

— Ах, — вздохнула девушка, — бедная Эрин. Ну конечно, входите, мистер Болт, — продолжала она, утирая тонкий носик белым платком.

— Мисс Ален, мне бы хотелось, чтобы Вы рассказали о вашей сестре. Может быть, Вы знали ее недавних знакомых, где она была в тот вечер?

— Вот, взгляните, мистер Болт, — пролепетала барышня, протягивая мне фотографию. — Это Эрин.

Взглянув на фотографию, я понял фразу мистера Рэмона, когда он упомянул о большом количестве кавалеров. На меня смотрела ослепительная рыжеволосая барышня лет так двадцати — двадцати трех. Ее зеленые глаза даже с фотографии источали столь необычайные шарм и игривость, что, готов биться об заклад, увидев их вживую, устоять бы не смог никто. Пышное декольте покоилось в роскошном платье нежного цвета, а прелестные губки, приоткрываясь, показывали смотрящему ряд белоснежных жемчужин.

— Правда, она восхитительна?! — раздался вдруг голос Ален, прервавший ход моих уже далеко ушедших мыслей. — Эрин, — продолжала она, — жила ярко и часто даже слишком, ее поведение вызывало порицание у некоторых дам, а это не позволительно, и тем более для молодой девушки. Но отец слишком любил ее, чтобы запрещать ей ее капризы. У нее была близкая подруга — мисс Маргарет Стоун — дама слишком эксцентричная, и к тому же имеющая дурную репутацию. Она живет на Уолт Стрит, думаю, Вам не будет лишним поговорить с ней, ведь близкие подруги всегда более осведомлены.

— Вы сказали, что мисс Стоун имела дурную репутацию, а как же реагировал Ваш отец на таких знакомых Эрин?

— Отцу никогда не нравилась эта дружба. Мисс Маргарет всегда втягивала Эрин в свои аферные развлечения, благодаря чему и мнение общества об Эрин резко пошатнулось. Поговаривали даже, что Маргарет инкогнито посещала дом утех! Боюсь, что это все, что мне известно, мистер Болт, — заключила девушка и, отвернувшись к окну, пожелала мне удачи.

Итак, дело предстояло быть интересным, думал я, спускаясь вниз по лестнице. Информации было практически ноль, а вот вопросы прибывали в моей голове с каждой минутой: «Что могло связывать мисс Эрин с такой особой как Маргарет Стоун? И чем именно руководствовался убийца, выбрав в жертву дочь богатого торговца?». Итак,

незаметно для себя я вновь оказался на холодной и пустынной улице и зашагал в направлении своего жилища, дабы все тщательно обдумать и хорошенько отдохнуть перед началом предстоящего дела.

Сегодняшнее утро началось на удивление спокойно. Видимо, это была одна из немногих ночей покоя, подаренных Лондону за последнее время. Встав пораньше в предвкушении предстоящих дел, я позавтракал и, собрав все необходимые мне вещи, вышел из дома. В арсенал необходимых мне вещей входили: лупа, маленький ножик, бумага и, конечно, энная сумма денег, выданная мистером Рэммон на неизбежные расходы.

Улицы Лондона, как всегда, кипели жизнью: из пекарни разносился запах свежего, только что выпеченного хлеба; молодой мальчик продавал утренние газеты, громко декларируя их содержания, дабы привлечь покупателей; люди, снующие взад и вперед, создавали иллюзию муравейника.

Пройдя мимо дома номер 57, я свернул в переулок и, остановив там свободного извозчика, направился к доктору Прайсу. Доктор Прайс был так называемым «доктором для богатых». Он же был и главным анатомом, поэтому, собственно, я и направился к нему. И, кстати говоря, именно он констатировал смерть Эрин Рэммон, посему я надеялся, что разговор с ним мог бы дать мне ответы хотя бы на некоторые вопросы в деле или даже пролить свет на уже имеющиеся обстоятельства.

Доктор Прайс жил почти в противоположном конце города, поэтому дорога столь длинная и немного нудная весьма утомила меня. Да и эта погода! Осень в Лондоне всегда сопровождалась обильными дождями и грязью, а если учесть, что улицы города к концу дня и так были переполнены нечистотами вследствие большого количества населения, то дополнительная влага делала свое дело, разнося все это по стокам канав и маленьким улочкам. Добравшись до дома мистера Прайса, я расплатился с извозчиком и смело направился к двери дома номер 21. Не заставив долго себя ожидать, двери отворил мистер Прайс:

— Что Вам угодно? — спросил он меня явно недружелюбным тоном.

— Мое имя Энтони Болт. Мистер Рэммон посоветовал мне к Вам обратиться по поводу убийства его дочери — Эрин Рэммон.

— А чем Вас так интересует это дело?

— С недавних пор я занимаюсь расследованием этого дела, и мне бы хотелось задать Вам пару вопросов. Если Вы, конечно, не против, — добавил я после непродолжительной паузы.

Старикашка, смерив меня недоверчивым взглядом, впустил в дом, хоть и нехотя. В доме доктора было тихо и несколько мрачновато. Стены комнаты были снизу доверху уставлены книгами, а также разными баночками, бутылочками и прочей медицинской утварью.

— Итак, мистер Энтони Болт, — сказал он, скривив лицо в недовольной саркастической гримасе, — я Вас слушаю, только прошу побыстрее, у меня слишком мало времени.

— Я бы хотел прочитать Ваше заключение о смерти Эрин Рэммон.

Старик, пробурчав себе что-то недовольно под нос, полез в ящик стола и, с минуту покопавшись среди бумаг, достал некий клочок и, протянув его мне, сказал:

— Вот, читайте.

«Осмотр тела Мисс Эрин Рэммон. Смерть наступила около трех часов назад, то есть около 21 часа вечера, от обильной кровопотери, несовместимой с

жизнью, вследствие нанесения ранения холодным оружием. На лбу, ладонях и стопах нанесены отметины в виде креста. На груди убитой обнаружена запись, сделанная, по всей видимости, ее собственной кровью: «Мерзость для праведников — человек не праведный».

— Это все? — спросил я.

— Да, мистер Болт, надеюсь, что я удовлетворил Ваше любопытство?

— К сожалению, нет, мне бы хотелось осмотреть тело.

— О! — произнес старик с усмешкой, — боюсь, что это невозможно, тело уже покоится в земле, мистер Болт, и разрешения на эксгумацию у Вас нет. Так что ничем не могу помочь, — заключил он, сделав стремительный шаг по направлению к двери в надежде на мой уход.

— Скажите, мистер Прайс, — продолжал я, — а что за раны были на теле мисс Эрин?

— Ей перерезали горло, мистер Болт, как овце, — сказал он, внимательно посмотрев мне в лицо. — Ну, не смею Вас больше задерживать, мистер Болт, думаю, у Вас и так много дел, — сказал старик, открыв дверь, показывая тем самым свое огромное желание расстаться со мной как можно быстрее.

Для получения разрешения на осмотр тела мне необходимо было повторно наведаться в дом мистера Рэмона, поэтому, сев в повозку, стоявшую неподалеку от жилища Прайса, я направился напрямик туда. В голове моей почему-то настойчиво металась и билась одна и та же фраза «как овце» — аналогия «овца на заклании». Что-то в этом было. Да и описания следов в виде крестов носили явно религиозный подтекст. Конечно, я не был знатоком религиозных обрядов, да и Библию-то никогда толком не читал, но точно чувствовал, что и эти символы на теле, и оставленное послание — все суть одного — религиозного фанатизма. Добравшись до дома Рэмонов, я по уже знакомому мне маршруту проследовал в кабинет мистера Чарльза. Застав его за написанием каких-то бумаг, я извинился за беспокойство и изложил свою просьбу:

— Мистер Рэмон, я прошу прощения за беспокойство, но мне требуется Ваше письменное разрешение на эксгумацию тела Вашей дочери.

— Зачем Вам это? — спросил он, удивленно посмотрев на меня.

— Мне бы хотелось лично осмотреть его.

— Думаете, Прайс мог что-то упустить?

Не найдя, что лучше было бы ответить, я молча пожал плечами, спокойно ожидая дальнейшего продолжения нашего диалога.

— Впрочем, да, все возможно, — подытожил он после непродолжительных раздумий. — Вот, возьмите, — сказал он, протягивая небольшой кусок бумаги со столь нужным мне значением. — Вы должны будете передать его смотрителю. Я жду Вас, мистер Болт, в ближайшее время с подробным отчетом о проделанной работе. Удачи, — сказал он и вновь погрузился в свои бумажные дела.

Итак, мне предстояла дорога к месту захоронения мисс Эрин. На всякий случай я припас пару монет, если вдруг мне придется столкнуться с особым упрямством или с несговорчивостью смотрителя кладбища. Забравшись в попутный мне экипаж, я дал указания извозчику относительно нашего маршрута и отправился в путь.

— А что же это могло понадобиться Вам в таком месте среди бела дня? — допытывался извозчик. — Неужели дела в таком месте? — изумленно вопрошал он.

— Да, в некотором роде дела. Я расследую убийство.

— Убийство? — удивился он. — Это чье же? Неужели в такое время, как сейчас, может

быть еще один убийца, или это связано с «Апостолом»?

— Да, связано.

— Да, опасны становятся улицы Лондона. Говорят, что этой самой ночью, хотя и не было ничего, но миссис Кроун, та, что торгует в рыбной лавке, видела убийцу.

— Видела убийцу?! — переспросил я. — А как мне найти эту миссис Кроун?

— Так я же говорю, она торгует в рыбной лавке, там и ищите. Только не думаю я, что она станет беседы водить просто так, — сказал он, после чего мы оба замолчали, проведя оставшуюся часть пути в полной тишине. — Ну, вот и приехали, — сказал извозчик спустя некоторое время.

— Благодарю Вас, — ответил я, протянув плату за извоз.

— Удачи Вам, мистер, — сказал извозчик, слегка вскинув поводья своего вечного спутника.

Оказавшись в одиночестве, я оглянулся и понял, что на кладбище последствия непогоды ощущались особенно отчетливо. Дорожки между местами захоронений были размыты дождем, а грязь под начищенными еще с утра сапогами издавала противные чавкающие звуки. Мысли о пустоте и одиночестве особенно наваливались в этом месте, к тому же по характеру своему я часто был склонен к приступам меланхолии. Из отдаленного угла доносился жалостливый вой кладбищенских собак, разделяющих, как мне сейчас казалось, мое мнение об этом месте. Пройдя по одной из дорожек в поисках смотрителя, я заметил женскую фигуру, склонившую голову, по всей видимости, над чьей-то могилой. Подойдя ближе, я увидел даму, укутанную в черную накидку. Кстати говоря, могила эта принадлежала именно Эрин Рэмон, так что, хотя я и не верил в Бога и тому подобные вещи, казалось, само провидение привело меня сюда, ведь, судя по размерам кладбища, блуждать в поисках здесь можно не один день. Заинтересовавшись тем, кто эта женщина и кем именно она приходилась мисс Эрин, я подошел к ней немного ближе и попытался завязать разговор.

— Мисс, — начал я учтиво.

— Ах, Вы напугали меня, мистер! — сказала она с некоторой долей возмущения.

— Простите мою неосторожность, мисс. Я искал смотрителя кладбища, но увидел Вас, я не думал, что в таком месте мне представится возможность встретить столь милое создание.

Улыбнувшись в ответ на мою реплику, она сказала:

— Я пришла сюда попрощаться с Эрин Рэмон, моей близкой подругой, погибшей пару дней назад от руки жестокого убийцы!

«Ммм... — подумал я, — близкая подруга, уж не Маргарет Стоун? Это была бы большая удача».

— Да, это ужасно, мисс... О, простите, я, к сожалению, не знаю Вашего имени.

— Меня зовут Маргарет Стоун, — сказала она, протянув тонкую ручку, облаченную в шелковую перчатку.

— Очень рад, мисс Стоун, — сказал я, поцеловав руку.

— А зачем Вам понадобился смотритель?

— Скажем, по долгу службы, мисс.

— Кем же Вы служите? — продолжала она, флиртуя и заигрывая.

— О, боюсь, Вам будет скучно слушать о моих рутинных делах, мисс Стоун, а мне бы не хотелось Вас утомлять.

Ну что же, тогда, пожалуй, я Вас покину, да и Вам уже, наверное, пора выполнять долг своей службы.

Сказав это, она рассмеялась и, преодолев лужи и грязь, расстилавшиеся на ее пути, удалилась прочь. Оставшись опять в одиночестве перед могилой Эрин Рэмон, я никак не мог отделаться от мыслей о мисс Стоун. Неужели правда то, что говорила Ален, неужели мисс Стоун — образец тех людей, о которых обычно говорят «в тихом омуте черти водятся». Я намерено не хотел говорить ей о своей заинтересованности этим делом, так как полагал, что она могла бы рассказать мне что-нибудь, как лицу незаинтересованному. Хотя, конечно,

допросить мисс Стоун мне все же придется, и, честно говоря, подобная перспектива представлялась мне очень приятной и весьма притягательной, так как шарм мисс Стоун, признаться по правде, нанес мне неожиданный укол умелого фехтовальщика в самое сердце. Немного помечтав о приятной перспективе, я, опомнившись, все-таки решил вернуться к делу, ради которого, собственно, и приехал в это крайне неприятное место. Немного поплутав среди кладбищенских дорожек, я вышел к нескольким свежим могилам, где и нашел, на мою удачу, смотрителя кладбища. Это был высокий худощавый человек с зеленоземлянистым цветом лица, на котором словно маска застыло вечное выражение недовольства и брезгливости ко всему, что его окружало.

— Мистер, — начал было я, — мне бы хотелось осмотреть тело недавно похороненной Эрин Рэмон. Вот разрешение от ее отца, — сказал я, протянув ему клочок бумаги, данный мне мистером Чарльзом, заверенный подписью. Смотритель, смерив меня взглядом, нехотя взял бумагу и мельком взглянул на ее содержание, после чего жестко парировал:

— Это невозможно.

— Но почему? — спросил я не без удивления.

— Потому что Вам необходимо не только разрешение родственника, но и разрешение на повторный осмотр тела от главного анатома, доктора Прайса, а также разрешение от городского судьи, пара свидетелей, Ваши документы, подтверждающие, что Вы имеете право на осмотр и, конечно, мое согласие. А так как ничего этого, кроме первого, конечно, у Вас нет, то это невозможно.

Сказав это, он вернул мою бумагу и отвернулся от меня к своему предыдущему собеседнику, с которым вел диалог до моего появления. Поняв, что даже деньгами здесь не поможешь, злой и усталый, я направился домой.

По дороге я обдумывал все возможные варианты разрешения вставшей передо мной проблемы. Конечно, было вполне ясно и очевидно, что собрать все необходимые документы не представляется возможным, а убедить или даже подкупить этого человека было чем-то еще более фантастическим и невыполнимым, так как он относился к той категории людей, чья принципиальность была превыше любого здравого смысла. Вариант оставался только один, а именно: пробраться на кладбище тайным образом и выяснить все, что мне было необходимо. Конечно, это была не самая лучшая альтернатива, так как в случае провала данного предприятия меня бы ожидали долгие судебные разбирательства, арест, а возможно, что и похуже. И хотя я не был оптимистом по своей природе, но все же хотелось верить, что моя бурная деятельность не закончится на столь печальной ноте.

Добравшись до своего дома, а точнее, до снимаемой мной небольшой комнаты в одном из множества лондонских переулков, я поднялся в свою комнату, попросив хозяйку дома принести горячей воды и положенный мне обед. Через пару минут в комнату вошла хозяйка этого дома: невысокая полная женщина, всегда носившая ажурный чепец и уже немного потрепанный фартук.

— Добрый вечер, мистер Болт, — сказала она мягким и добродушным тоном.

— Добрый вечер, миссис Мотс.

— Вот Ваша вода, — проговорила она, поставив на стол небольшой металлический кувшин, наполненный слегка горячей водой. — А вот и обед. — В обеденной тарелке красовался кусок жареного мяса и хлеб. — Ну что же, мистер Болт, не стану Вам мешать, хочу только напомнить о начале нового месяца, — сказала она и вышла из комнаты.

«Начало нового месяца» означало период, когда пора платить за комнату, но теперь это не было для меня проблемой, учитывая, что аванс за мою новую работу, оплаченный мистером Рэмоном, во много раз превышал мой обычный доход. Пообедав добрым куском мяса, я налил воды в медный таз и, умыв лицо и руки, прилег отдохнуть.

Когда я проснулся, было около одиннадцати часов вечера. За окном уже стояла беспросветная тьма, да дождь опять топил город в своих осенних потоках. Посему это было самое что ни на есть благоприятное время для намеченного мною дела. Взяв с собой масляную лампу и свой классический набор, о котором уже упоминалось ранее, я оделся и вышел из комнаты. Некоторая проблема состояла в том, что мне для сего темного деяния необходим был помощник, а именно человек, готовый выполнить тяжелую и грязную, в прямом смысле этого слова, работу. И так как некоторые мысли относительно решения этой проблемы у меня уже зародились, я смело двинулся в путь.

Расплатившись с хозяйкой за комнату, я направился в таверну «Веселый парень», находящуюся невдалеке от моего дома. Это была классическая таверна, сохранившаяся, по всей видимости, еще со старых времен. Снаружи ее рекламировала небольшая вывеска, сделанная из темного и давно уже прогнившего дерева, на которой желтой краской было выведено название сего заведения. Зайдя вовнутрь таверны и решив первым делом осмотреться и разведать обстановку, я прошел вглубь помещения и, усевшись за небольшой деревянный стол, принялся изучать находившихся здесь потенциальных помощников. Через минуту ко мне подошла молоденькая дамочка — трактирщица.

— Что Вам принести, может, Вы желаете отведать нашего вина? — спрашивала она веселым голосом, сама как будто пьяная от этого вина.

— Да, принесите мне бутылочку вина.

Через некоторое время дамочка появилась вновь, держа в руках поднос с бутылкой вина и граненым стаканом. Поставив бутылку и стакан передо мной на столе, и получив за это пару монет, она уже собралась было уходить, но я предложил ей составить мне компанию и распить это прекрасное вино вместе.

— О! Мистер, я не откажусь.

— И как же зовут тебя, юная прелестница? — продолжал я, откупоривая бутылку.

— Шери Нортон, мистер, это имя досталось мне от моей бедной матушки, как, впрочем, и эта таверна. Уже почти два года как мне приходится управляться здесь со всеми делами.

— А много ли посетителей в твоей таверне?

— Да уж немало, — радостно ответила Шери, — к тому же всех их я знаю уже не один год. Вот там, например, — сказала она, показывая худенькой ручкой на длинный стол, стоявший несколько правее, — моряк Петорсон. Он приходит сюда почти каждый вечер и всегда заказывает ром для себя и своих друзей. А в том углу, — продолжала она, — мистер Борн, местный клерк, он тоже частенько сюда заходит. А Вас я вижу здесь впервые, — сказала она, склонив голову и с интересом посмотрев на меня.

— Да, я небольшой любитель такого рода развлечений. Поэтому и пришел я сюда не просто так.

— А зачем же? — спросила она с удивлением и несколько заметным страхом.

— Видишь ли, мне нужен человек, который мог бы помочь в одном деле за некоторое вознаграждение. Может быть, ты знаешь такого?

— Мистер, думаю, что многие из присутствующих здесь не отказались бы от работы, приносящей прибыль в их прохудившиеся карманы.

И, сказав это, она неожиданно встала и куда-то удалилась. Примерно через десять минут ко мне подошел некий человек лет сорока с уже седыми волосами и бородой. Он был высок и упитан, а по его сильным рукам можно было сделать вывод о роде его деятельности, и, как оказалось впоследствии, я не ошибся.

— Мистер, — сказал он тяжелым басом, — до меня дошли слухи, что Вам требуется работник?

— Да, слухи верны, но работа тяжела и несколько незаконна.

Сказав это, я с интересом посмотрел на него, ожидая дальнейшую реакцию на последнюю фразу.

— Если она тяжела, то Вы пришли по адресу, а вот то, что касается незаконности, то надеюсь, что хорошая плата перекроет эту неприятную деталь.

— Можете не сомневаться, я щедро оплачу Ваш труд.

— В таком случае, мистер, я готов. Излагайте свое дело! — сказал он, подсаживаясь за мой столик.

— Все очень просто, — начал я, — Вам всего лишь надо будет поработать лопатой и потом просто забыть об этом деле.

— Лопатой? — переспросил он меня, посмотрев с подозрением.

— Не волнуйтесь, ничего страшного, просто я веду частное расследование и мне необходимо осмотреть тело погибшей, а так как на бумажную волокиту времени у меня нет, приходится пользоваться этим единственно возможным вариантом.

Оглядев меня еще раз с недоверием, он все же согласился и, получив от меня половину требуемой им суммы, осушил стакан вина, так сказать, за успех дела.

— Итак, мистер, каков план наших действий? — спросил он меня так, словно это был план по завоеванию государства.

— Все просто, сегодня ночью нам будет необходимо пробраться на кладбище, найти необходимую могилу и, осмотрев тело, удалиться, никем не будучи замеченными.

— Ну что же, тогда в путь! — сказал он серьезным тоном, громко ударив стаканом об стол.

— В путь!

Встав из-за стола, мы поблагодарили мисс Шери Нортон и вышли из таверны.

— Мистер, думаю, будет необходимо пройти мимо моего дома, дабы я смог взять все, что могло бы нам пригодиться. Кивнув в знак согласия, мы молча двинулись в путь. Дойдя до его дома, а точнее сказать, до старенькой лачуги, полуразвалившейся под действием времени, он оставил меня в ожидании на улице и скрылся в недрах подвала своего дома. Через некоторое время появился вновь, но уже с лопатой в руках.

— Я готов, — сказал он.

— Ну что же, тогда вперед!

Идти туда мы решили именно пешком, так как опасения, а точнее страх быть застигнутыми врасплох становился все сильнее с каждой минутой. А если учесть, что и орудие нашего преступления было при нас, то обратить на себя внимание, пусть и извозчика, было не в наших интересах.

Дорога заняла ни много ни мало — примерно часа полтора, но зато и время теперь было еще более подходящим. На улицах Лондона не было ни единой души, весь город был сокрыт под покровом холодной ночи. Подойдя к ограде кладбища, которая заключалась лишь в невысоком заборе, преодолеть который не составляло никакого труда, мы остановились, чтобы прислушаться к затаившейся тишине. Убедившись, что тишину не нарушало ничего, кроме ветра, периодически игравшего среди опадавшей листвы деревьев, мы решили, наконец, преодолеть препятствие, перебравшись через ограду. Первым полез я, взявшись руками за две торчащие пики каменного забора, я подтянулся и с легкостью перебрался через ограду, оставив своего помощника снаружи.

— Мистер, — прошептал он мне, — возьмите лопату, уж больно она длинна, чтобы с легкостью перелезть с ней через этот чертов забор!

Протянув мне лопату и дождавшись, пока я ее ухвачу, мы осторожно переправили ее на мою сторону. Теперь дело оставалось за ним. Несчастный Джек, так звали моего теперешнего помощника, обладал несколько тучным или, точнее сказать, тяжелым телом. Поэтому перебраться через это препятствие ему было куда сложнее, нежели мне. Чертыхаясь и ругаясь на чем свет стоит, он все-таки преодолел это испытание и с грохотом шлепнулся подле меня. От создавшегося шума, прошедшего резонансом по всему кладбищу, вдалеке послышался недовольный и угрожающий лай собак. Мы замерли и, дождавшись, пока лай смолк, устремились по скрытым и темным кладбищенским дорогам в поисках могилы Эрин Рэмон.

Кладбище само по себе было не очень большим, да и примерное расположение могилы Эрин все еще теплилось в моей памяти.

— Вы знаете, куда нам идти, мистер? — послышался голос Джека, идущего позади и немного запыхавшегося.

— Знаю, Джек, — ответил я шепотом, — кажется, это там, — сказал я, кивнув головой в сторону недавних могил.

Подойдя ближе, я достал из кармана спички и, так как зажигать лампу считал пока еще преждевременным, чиркнул одной и поднес маленький огонек к свежему надгробью.

*«Здесь покоится любимая дочь своего отца, скоропостижно скончавшаяся Эрин Рэмон.
1843–1864».*

— Вот что значит профессиональный нюх сыщика, — сказал я, гордо посмотрев на Джека. — Все, мы пришли, действуй.

Джек взял лопату и принялся копать. Как назло, с небес опять полил дождь, соединяясь с землей и затрудняя работу Джека. Пот и вода смешивались на его лице, торопливо стекая вниз по уже и без того мокрой одежде.

— Готово! — сказал он через некоторое время.

Спустившись в выкопанную могилу к гробу Эрин Рэмон, я зажег масляную лампу. Теперь, по крайней мере, это было более безопасно, так как сама яма несколько скрывала исходящий от лампы свет. Воспользовавшись все той же лопатой, мы вскрыли крышку гроба, получив в лицо сильный удар запаха разлагающейся человеческой плоти. И хотя снаружи тело все еще сохраняло свой облик, внутри, по всей видимости, процесс шел уже неумолимо.

На секунду отшатнувшись, по причине непривычности таких зрелищ, я все-таки взял себя в руки и приступил к осмотру. Поднеся лампу к лицу жертвы, я увидел огромную рану, нанесенную, конечно, холодным оружием, но каким — это оставалось большим вопросом. Дело в том, что она была не то чтобы резанная, а я бы сказал, рваная, а такую рану не смог бы оставить обычный нож.

Внезапно мои размышления прервали доносившиеся издалека голоса, владельцы которых, по всей видимости, направлялись именно сюда. Джек, также услышав их, быстро выхватил у меня лампу и поспешно потушил огонь внутри нее. Мы замерли, прижавшись спинами к холодным стенам вечно ныне пристанища Эрин. Голоса приближались. Переглянувшись с Джеком, мы оба поняли, что нас могло ожидать, по напряженному лбу Джека скатилась капля пота.

— Ох, ну и ночь сегодня выдалась, — говорили голоса между собой.

— Да, это верно, даже собаки и те по конурам лежат, одни мы с тобой как неприкаянные ходим.

— Да, а что делать — работа!

— Да, работа. Ну что, пойдём, что ли, туда?

Куда именно собирались они идти, было неизвестно, но спустя минуту голоса начали удаляться. Вдох облегчения вырвался из моей груди. Дождавшись воцарившейся вновь тишины, я взял лампу и зажег фитиль. Продолжив осмотр тела, я заметил на лбу, руках и стопах отметины, о которых читал в заключении доктора Прайса. Раны были поверхностными, нанесенные предположительно тем же орудием и, насколько я мог судить, исходя из моих весьма скромных познаний медицины, смерть наступила уже после их нанесения. Нанесенной на тело надписи я не обнаружил, но на это могло быть множество разных причин: например, их могли смыть водой, когда готовили тело к погребению. Ничего нового, что не было бы указано в заключении, я не обнаружил.

— Я закончил, — произнес я, чему Джек, судя по выражению его лица, был несказанно рад.

Мы накрыли гроб крышкой и вылезли из ямы. Решив хотя бы немного замести следы, Джек принялся работать лопатой, закапывая обратно гроб Эрин Рэмон. Вдруг послышались все те же голоса, видимо, это были сторожа сего унылого места. Но на сей раз мы все-таки были обнаружены, то ли из-за света от лампы, то ли из-за видневшегося в ночи Джека с лопатой, то ли просто из-за провидения. Темные фигуры кинулись в нашу сторону, разрезая тишину своими пронзительными криками.

— Стой! — кричал один из них.

Недолго думая, Джек откинул лопату и, переглянувшись, мы оба бросились со всех ног к ограде. Сзади слышались уже не только голоса, которые прибывали, но и лай натравленных на нарушителей покоя собак. Преодолев ограду последним, я выронил лампу и хотел было вернуться, но Джек дернул меня за рукав, крикнув «Быстрее!».

Все эти звуки подняли на ноги городской караул, который сейчас был бдителен как

никогда. Легкие мои уже не могли справляться и я, почувствовав, что начинаю задыхаться, сбавил бег. Джек, видимо, не раз бывавший в разного рода переделках, знал скрытые лазейки и закоулки. Он неожиданно схватил меня за руку и увлек за собой под какой-то мост. Судорожно прижавшись к холодной, выложенной камнем стене, мы замерли, ожидая исхода погони. Услышав топот ног по мосту, раздававшийся над нашими головами, я на минуту испугался, представив последствия этого дела, но через некоторое время звуки шагов стали все больше удаляться, и я понял, что мы спасены.

— Спасибо, Джек! — сказал я. — Ты спас нас, если бы не ты, то уже сегодня ночью мы бы умирали от голода и озноба в стенах городской тюрьмы.

— Да ладно, мистер, — сказал он, явно смутившись отвешенной ему похвалы, — я еще и не из таких ситуаций выходил сухим. Думаю, что возвращаться центральными улицами будет небезопасно. Я проведу Вас, — сказал он, двинувшись вперед.

Направляясь к моему дому, мы шли, наверное, самыми темными закоулками Лондона. Пройдя под очередным мостом, нависающим над грешной землей, мы вскарабкались вверх по пригорку, усеянному опавшими и влажными от дождя листьями, и оказались на мощенной мостовой, ведущей к моему дому. — Джек, — начал было я, — надеюсь, ты не откажешься, если я предложу тебе кров, по крайней мере на ночь — скоро рассвет и возвращаться сейчас будет небезопасно, а здесь ночлег и стакан вина для тебя найдется.

— Мистер, это очень любезно, но мне пора, — сказал он холодным и несколько опечаленным голосом, — даст Бог, свидимся.

После чего, забрав остаток платы, он развернулся и скрылся среди ночных теней.

Проснулся я сегодня поистине рано. Мне никак не давали покоя мысли то об Апостоле, то о вчерашнем событии, то о мисс Рэмон, то о мисс Стоун, которая, признаться по правде, занимала теперь не только мои мысли как сыщика, но и сердце как мужчины. Удивительно, думал я, как этой женщине хватило всего лишь несколько минут, чтобы с успехом поселиться в моей душе.

Но думать об амурных делах было сейчас, конечно, не очень уместно, так как время шло, а дело, начатое мною, все еще стояло на месте. Итак, отбросив все посторонние мысли, я сел за свой старый дубовый письменный стол с целью изложить на бумаге мои умозаключения по поводу увиденного мною вчера.

«Вчера, — начал я, — мною было эксгумировано и осмотрено тело мисс Эрин Рэмон. Подобно тому, как и было указано в отчете доктора Прайса, на теле были обнаружены раны, нанесенные режущим оружием на ладонях, стопах и лбу; а также рана на шее, которая, видимо, и явилась причиной смерти мисс Эрин Рэмон. Не понятным для меня остается само орудие, которым было совершено убийство, так как рана в области шеи имела рваные края, и согласно сделанному мною осмотру, не могла быть нанесена ножом, как это заключил доктор Прайс».

Закончив писать этот коротенький отчет, который в большей степени предназначался мне самому, я сложил все письменные принадлежности и, одевшись, вышел из комнаты. Спустившись вниз, я увидел миссис Мотс.

— Доброе утро, мистер Болт, — сказала она, встретив меня теплой и радушной улыбкой.

— Доброе утро, миссис Мотс. Не найдется ли горячего завтрака для Вашего добропорядочного постояльца?

Заулыбавшись, она вытерла руки о свой и без того уже запачканный фартук и, достав чашки, ответила:

— Конечно, найдется, Вы же знаете, что каждое утро я специально пеку свежие булочки, чтобы порадовать моего любимого постояльца, — после чего, оба рассмеявшись, мы уселись за большой общий стол.

— А Вы слышали новость, мистер Болт?

— О чем Вы? — спросил я, несколько сконфузившись, так как опасения за вчерашние свои похождения все еще преследовали меня.

— Ну как же, вот, очередное злодеяние на наших улицах, — сказала она, протянув мне свежую газету.

Отвлечшись от еды, я заглянул на газетные страницы. *«Новая жертва Апостола или призыв покаяться»* красовался заголовком на главной странице. Прочитав его, я точно знал, что осмотреть это тело является крайне необходимым, к тому же оно еще не было погребено и проблем должно быть меньше. Возможно даже, что на нем еще сохранилась надпись, так как времени прошло слишком мало, и наверняка тело сейчас осматривал доктор Прайс.

— Благодарю за завтрак, но дела зовут, — сказал я и, взяв свой плащ, пригодный на все случаи моей беспокойной жизни, поспешно удалился.

На улице, как всегда, была утренняя суматоха, поэтому понять, была ли она связана с очередным убийством или просто с очередным началом нового дня, было невозможно. Первым делом, как я и решил, я отправился на место преступления, в надежде увидеть всю картину, ведь ночью осмотр места был невозможен, поэтому его наверняка начали пару часов назад.

По описанию в газете убийство произошло на пересечении двух переулков. Дойдя до места, я увидел много народу, толпившегося вокруг и праздно интересующегося произошедшим. Тело лежало посреди грязной мощеной мостовой, без одежды, прикрыта была лишь нижняя его часть, и то чем-то напоминавшим набедренную повязку. Картина эта, хочу я заметить, была не из приятных, по крайней мере, в моей голове она вызвала самые печальные мысли о нашем существовании и ничтожности человеческого бытия. Это было тело некой женщины средних лет, богатой или бедной определить уже было сложно, так как на ней ничего не было. Грязь и лужи вокруг были перемешаны с кровью, пролившейся этой ночью в большом количестве. Раны на ее теле, на первый взгляд, были идентичны ранам на теле мисс Рэмон. А вот послание, оставленное на теле, было теперь совсем иным. Кстати говоря, судя по тому, что оно сохранилось, убийство произошло ближе к утру, так как ночью его смыло бы дождем. Так вот послание это, нанесенное прямо на груди жертвы, гласило: *«Мерзость пред господом всякий надменный сердцем»*.

«Что это? — думал я. — Почему послания были везде разные, отчего это могло зависеть?» Увидев доктора Прайса, я подошел к нему и сказал:

— Здравствуйте, мистер Прайс, вот мы и встретились вновь.

— А, это Вы, — произнес явно не обрадованный нашей встречей. — А вы знаете, что вчера помимо этого трупа был еще один сюрприз? — спросил он, хитро прищурившись.

— Что Вы имеете в виду?

— А то, что могила мисс Рэмон, которой Вы так рьяно интересовались, была вчера вскрыта. Правда, немного странное совпадение, вы не находите?

— К чему Вы клоните, мистер Прайс?

— А к тому, что Вы не только суете нос в чужие дела, но еще и действуете преступным образом, пытаясь добиться своего, и кто-то должен будет за это ответить.

— Я не намерен слушать Ваши дерзкие обвинения! — сказал я резко и, развернувшись к нему спиной, удалился прочь.

Идти теперь к мистеру Чарльзу с повинной мне совсем не хотелось, так как одному Богу было известно, как старик мог отреагировать на мои незаконные методы работы. Так или иначе, мне в скором времени все равно придется предоставлять ему отчет, вот тогда и поговорим, подумал я. Сейчас моей задачей было узнать, кто такая новая жертва и что ее связывало с Эрин Рэмон. Возможно также, что эта информация могла подтолкнуть меня к разгадке разных посланий. Только вот как это сделать, было пока не совсем ясно, а между

тем в голову мне пришла мысль о мисс Кроун, о которой вчера мне рассказал кучер. Думаю, что разговор с ней был бы совсем не лишним, к тому же интересно, как ей удалось видеть убийцу, оставшись при этом целой и невредимой. Насколько мне помнилось, кучер упоминал о торговле миссис Кроун в рыбной лавке, поэтому теперь путь мой лежал именно туда.

Рыбная лавка, о которой упоминал кучер, находилась немного дальше той таверны, в которой накануне я познакомился с моим теперь уже подельником Джеком. Дорога к ней лежала практически через те же переулки, по которым мы шли с Джеком, поэтому, прекрасно зная дорогу, я решил прогуляться туда пешком. Пока я шел, меня никак не покидала мысль о тех посланиях, которые убийца оставлял на телах жертв.

Что это было? Цитаты из Священного Писания или просто плод больного воображения? К тому же я всегда был четко убежден в том, что убийства не происходят просто так. Точней сказать, без причины, пусть даже и субъективной, со стороны убийцы. Думаю, что и этот случай исключением не являлся. И, рассуждая на тему причин и следствий, я не заметил, как добрался до небольшого дома, на котором красовалась сделанная на старой доске, подобно той, что висела у таверны, надпись темно-синей краской «Рыбная лавка». Зайдя внутрь, я увидел женщину, которая стояла возле небольшой деревянной бочки и что-то перебирала в ней руками. С виду женщина была очень неприятна, она была крайне толста, а лоснящееся от жира лицо выдавало всю ее алчность и скупость. Постояв с минуту и убедившись, что внимание на меня так и не обращено, я откашлялся и обратился к женщине:

— Миссис Кроун?

— Что угодно? — ответила она слегка осипшим голосом, при этом даже не оторвавшись от своего занятия.

— Миссис Кроун, — продолжал я, — мне бы хотелось поговорить с Вами относительно...

Но не дав мне закончить, она недовольно хмыкнула и, наконец, развернувшись в мою сторону и вытерев грязные руки о свое платье, произнесла:

— О чем мне с Вами говорить?

Несколько опешив от такой любезности, я продолжил:

— Миссис Кроун, дело касается убийцы, которого Вы видели несколько дней назад, насколько мне известно.

— А с чего это вы взяли, мистер как вас там, что я стану с Вами откровенничать? Вы что, из полиции?

— Нет, миссис Кроун, я веду частное расследование, и Ваши сведения мне бы могли очень пригодиться.

— Знаете что, мистер сыщик, я вам не справочное бюро, чтобы отвечать на ваши вопросы, мое время — это мои деньги. Платите мне за то время, которое я с вами трачу, и тогда еще я стану с вами говорить, а коли нет, уходите быстрее, пока я не позвала своего мужа — мясника.

— Хорошо, хорошо, я заплачу Вам, — сказал я, пытаюсь не обострять и без того уже накаленную ситуацию, — только ответьте мне на пару вопросов.

— Деньги вперед! — сказала она требовательно, протянув ладонь одной руки, держа вторую на поясе, как бы подбоченившись, и тем самым заняв очень вызывающую позу.

С удивлением посмотрев на нее, так как мне еще ни разу не доводилось видеть таких людей, я достал кошелек и, отсыпав несколько монет, отдал их миссис Кроун. Женщина долго рассматривала монеты и даже попробовала, так сказать, на зубок, чтобы убедиться,

видимо, в их подлинности и, наконец, удостоверившись, она сунула их в свой кожаный кошелек и затем сказала:

— Вот теперь можете спрашивать меня все, что Вам хотелось узнать.

— Дело в том, что я расследую убийства, а Вы, если верить слухам, как раз таки видели убийцу. Расскажите, как, где и когда это было? Да к тому же, как Вам удалось сохранить свою жизнь?

— Да что там особенного, — начала она, — пару дней назад я столкнулась с ним нос к носу. Вечером, часов, наверное, так в одиннадцать, я, закончив все свои дела, закрыла лавку и направилась домой, а живу-то я недалеко, всего-то километра два отсюда. Так вот, проходя по очередной улице, услышала я позади себя шаги, да и заподозрила что-то недоброе, обернулась, а за мной Он идет — весь в черном, не сразу-то и разберешь, а вообще, одежда-то на подрясник похожа. Ну, я бежать, он за мной, тут навстречу толпа моряков идет, я к ним, они люди-то свои, в обиду не дадут, а тот, увидев, что я не одна, куда-то и исчез. Вот и все, — сказала она, вопросительно на меня посмотрев.

— А может быть, Вы видели его лицо?

— Да куда там! Говорю же, темно было! И капюшон на нем был!

— Ну, а враги, миссис Кроун, враги-то у Вас есть?

— Да сколько угодно, вон взять хотя бы соседа моего, ненавидит меня всей душой!

Да, подумал я, не удивительно.

— Спасибо, Вы мне очень помогли, надеюсь, тот случай был последним подобным происшествием в Вашей жизни.

Сказав это, я сделал легкий кивок головой и вышел из лавки. Немного озадаченный и опечаленный запутанностью ситуации, я направился в таверну, чтобы пропустить пару бокалов доброго вина и обдумать все те неумные мысли, которые без конца тревожили мою голову. Немного пройдя, я очутился около все той же таверны «Веселый парень», где пару дней назад имел счастье познакомиться с моим спасителем. В таверне сегодня было немного тише, чем в прошлый мой визит, возможно, это было связано с совсем еще ранним часом. Пройдя теперь уже почти по привычке вглубь зала, я сел за уже знакомый мне стол.

— Эй, мистер! — послышался веселый женский голос за спиной, сопровождаемый касанием моего плеча. Обернувшись, я увидел мисс Нортон.

— О! Мисс Нортон! — сказал я, приветствуя девушку улыбкой.

— Да Вы решили стать нашим постоянным клиентом!? — сказала она, громко рассмеявшись. — Чего изволите?

— Вина, принеси-ка мне вина! — сказал я, видимо, заметно уставшим голосом, так как в глазах ее вспыхнул огонек понимания.

— Мистер, — прошептала она нежно, наклонившись к самому моему уху, — я могу дать Вам не только вино, но и плотские радости за умеренную плату.

Услышав это, я, конечно, немного смутился, так как не думал, что милая молоденькая мисс Нортон, хозяйка таверны, занималась подобным промыслом. Но, подумав с минуту, я решил, что мне будет простительна подобная слабость в силу моей нервной работы и душевных тревог.

— Ну пойдем, милая Наида, — сказал я, лукаво заглянув в бесстыжие девичьи глаза.

Выйдя из-за стола, мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж и зашли в комнату, служившую, по всем видимости, спальней для молодой красавицы. Ничего особенного в комнате не было. Небольшая кровать с пологом, шкаф для нарядов прелестницы и маленький столик, стоявший напротив окна. Войдя в комнату, она закрыла за собой дверь, и, играясь, закружила меня в объятиях. Оказавшись около кровати, я обхватил ее талию и нежно поцеловал девушку в ее еще свежие губки, а затем в шею. Нащупав пальцами шнур корсета, стягивающего молодое тело, я развязал на нем узелок и с легкостью ослабив его, высвободив нежное тело. Юная грудь, представшая моему взору, не оставалась долго без ласк и внимания. Сделавши затем с юбкой то же, что было сделано с корсетом, я снял с барышни ажурные панталоны, и Шери осталась предо мной в одних чулках. И так как

это зрелище устраивало меня теперь куда больше, я не переставал восхищаться ее молодым телом, одаривая его щедрыми ласками. Сняв, наконец, все, что было необходимо, с меня, мы бросились на ложе, чтобы утолить разбушевавшуюся внутри бурю страсти.

Проснувшись через некоторое время и почувствовав, что силы вновь возвращаются ко мне, я поднялся с постели и принялся одеваться. Мне не очень-то хотелось оставаться долгое время в постели с купленной любовью, даже несмотря на все ее прелести. Одевшись, я подошел к окну и, поискав в своем кошельке, вытащил и положил на стол пару монет, служивших платой молодой наложнице. После чего вышел из комнаты, оставив хозяйку грезить в ее снах, и, закрыв за собой дверь, вновь спустился на первый этаж таверны. На этот раз народу в зале было куда больше. Я опять прошел за свой столик, который, на мою удачу, оказался свободным и, решив поправить свои силы обильным ужином, позвал жестом молоденького мальчика, прислуживавшего в таверне и помогавшего мисс Нортон, или, как я был вправе теперь ее называть, милашке Шери. Заказав добрый ужин, я принялся осматривать сегодняшних посетителей таверны. Джека почему-то не было и, честно говоря, меня стали посещать тревожные мысли, ведь я даже не имел понятия, вернулся ли он в тот день домой. Через некоторое время все тот же мальчик-помощник принес мне блюдо с ароматным сильно прожаренным и приправленным разного рода специями мясом. Расплатившись с ним за блюдо, я с жадностью начал поглощать бедного барашка, павшего жертвой ради насыщения моего живота. Пока я ужинал, мое внимание привлекли к себе несколько человек, бурно обсуждавших какую-то новость.

— Так я-то знаю, кем она была, — донесся голос одного из обсуждающих.

— Да откуда тебе-то?

— Так ведь я на конюшне служу в доме Джеферсонов, хозяин ныне знаете, печальный какой ходит.

— Еще бы! — воскликнул один, — еще бы не ходить печальным, когда женушку твою прирезали, как свинью на бойне, — сказал он, рассмеявшись и осушив очередной стакан красного. Понимая, что этот разговор может оказаться полезен для моих целей, я, прикончив мясо, вытер губы салфеткой и, подойдя к их столику, попытался завязать разговор.

— Господа! Позвольте угостить Вас бутылочкой красного и присоединиться к Вашей беседе?

— Ну садись, коли хочешь, — сказал один, окинув при этом меня оценивающим взглядом.

Как только я присоединился к их дискуссии, в компании воцарилась мертвая тишина, но бутылка вина, преподнесенная им в подарок, сразу же решила эту проблему, развязав всем языки.

— Господа, а о ком это Вы беседовали некоторое время назад, вы говорили о каком-то убийстве?

— Как! — воскликнул один из собеседников, — вы не знаете?! Это жена этого Джеферсона! — говорил он уже заплетающимся языком.

— А ее убили? — спросил я с наивным удивлением.

— Да ты что! — воскликнул второй. — Ее же нашли сегодня в переулке! Лежала там, — всхлипнув, произнес он, — мертвая.

Ага, подумал я, дело начинает принимать очертания, теперь я хотя бы знал, чье это тело.

— А кто эти Джеферсоны? — спросил я одного из них.

— Кто? — хмыкнул тот, что работал конюхом. — Это владельцы лондонских печатных изданий. Очень, очень состоятельные люди.

— Но зачем же кому-то понадобилось убивать невинную женщину?

— Да уж, невинную! — передразнил один из них, — та еще дамочка! Да ее многие ненавидели! Такая стерва, прости Господи, не подойдешь даже.

— Вот завтра в церкви-то с ней простятся, и все — прощайте, миссис Джеферсон, — заключил один.

— А в какой церкви? — спросил я.

— Так эта, ну как ее, церковь святого Бартоломея Великого, там и похоронят.

После этих слов в компании вновь воцарилась тишина, но на сей раз скорей от фазы отупения, напавшего на моих собеседников из-за чрезмерного количества вина. Так, подумал я, следует посетить эту миссис Джеферсон, проводить, так сказать, в последний путь. Значит, церковь святого Бартоломея Великого, туда и направлюсь, но завтра, а сейчас домой.

Дойдя до дома и поднявшись в свою комнату, я скинул уличную одежду и, усевшись за свой стол, достал письменные принадлежности. Не знаю почему, но за время моей работы частным сыщиком у меня сформировалась привычка написания отчетов. Возможно, это было связано с некоторой моей педантичностью и желанием структурировать мысли, которые то и дело метались в моей голове, не находя точки преткновения. А между тем изложение на бумаге оных как раз давало стройных ход в голове и способствовало более-менее спокойному сну.

«15 октября 1864 года в переулке Ментон-стрит был обнаружен труп женщины. Оказавшись на месте преступления, мне удалось обнаружить сходство с ранениями на предыдущей жертве. А именно — на теле женщины также были отметины в виде креста, глубокая рана в области горла и надпись на груди жертвы, сделанная, по-видимому, ее собственной кровью. Надпись гласила: «Мерзость пред Господом, всякий надменный сердцем». Также мне удалось пообщаться с женщиной, которая, как она утверждает, видела убийцу. По ее словам, убийца был в одежде, напоминающей подрясник или церковную ризу. Мои подозрения пали бы на местного приходского священника, если бы это не было так просто».

Закончив писать отчет, я отложил перо, закрыл баночку с чернилами и, добравшись до кровати, погрузился в крепкий, глубокий сон.

Сегодня мне предстояла масса дел. Помимо визита в церковь святого Бартоломея Великого, мне также предстоял визит к мистеру Чарльзу Рэмону, так как время первого отчета, который и без того уже откладывался на протяжении долгого времени, пришло. Достав из шкафа свой костюм соответствующего для похорон цвета, который, впрочем, мало чем отличался от моего повседневного, я оделся и спустился вниз.

Погода на улице стояла не самая приятная, но что вы хотите? Как говорят мне иногда некоторые дамы, Лондон — город дождей, туманов и убийц. С чем, в принципе, было сложно поспорить. Церковь святого Бартоломея Великого находилась не очень далеко от моего дома, так что туда вполне можно было добраться и пешком. Она была выполнена в стиле готической архитектуры, столь распространенной в католическом мире, а кладка камней всем своим видом демонстрировала старину и присутствие некой тайны, и кто знает, что повидали эти стены за время их существования. Сама территория «святой земли» была обнесена кованым металлическим забором, устрашающим своими острыми пиками приходящих сюда грешников. Над дверями, ведущими внутрь святая святых, красовались, если можно так выразиться, злобные химеры, по виду своему напоминающие воплощение самых немислимых страхов, которые только могут прийти в человеческие головы.

Войдя внутрь, я сразу был поражен отсутствием большого или хотя бы некоторого количества народу на похоронах. Вдоль стен стояли пустые скамейки, уходившие вглубь церкви, где находился гроб с телом миссис Джеферсон. На скамейке подле сидел статный господин и престарелая дама. Я решил, что более мудро будет не мешать людям скорбеть пред началом церемонии, и поэтому занял место несколько поодаль от них.

Через некоторое время вошел священник, мистер Шон. Он был весьма популярной личностью, так как являлся единственным священником на этот весьма большой район. Он был очень набожный, если не сказать фанатичный. Хозяйка дома, в котором я снимаю квартиру, миссис Мотс, с которой читатель уже знаком, частенько рассказывала мне о городских сплетнях и прочих событиях, а также о малозаметных мелочах. Так вот, она часто рассказывала об отце Шоне, как о человеке излишней суровости и безапелляционности по отношению к чужим грехам. Но могу ли я обвинять человека в убийствах только потому, что он истинно предан своему делу и своим убеждениям? На протяжении всей церемонии у меня никак не выходил из головы черный подрясник. Душу мою терзали сомнения о причастности или непричастности отца Шона к этим убийствам. Конечно, самый верный способ узнать это — провести проверку.

Как только окончилась церемония, мистер Джеферсон и сопровождавшая его престарелая дама направились к выходу. Не желая упустить шанс поговорить, я стремительно ринулся вперед, и уже менее чем через минуту стоял перед ними.

— Примите мои соболезнования, — начал я.

— Благодарю, — ответил мистер Джеферсон и, опустив взгляд, хотел было уйти, но я, предугадав его намерения, опередил его словами:

— Миссис Джеферсон была такой славной женщиной.

— Славной? — переспросил он удивленно. — Мистер, кто Вы? Судя по всему, Вы не были знакомы с моей женой.

— Да, к сожалению, не был. Я расследую все эти убийства, Ваша жена ведь также пострадала от рук Апостола...

— Знаете, меня это мало интересует, и помочь я Вам едва ли чем смогу.

— Но, может быть, Вы смогли бы рассказать мне немного о миссис Джеферсон, ее привычках, образе жизни, о ее врагах, наконец.

— Врагах? Вы шутите? Мне и дня не хватит, чтобы перечислить Вам всех недоброжелателей моей покойной супруги. Даже прислуга в моем доме вздохнула с облегчением при вести о смерти миссис Джеферсон. А теперь простите, мистер, но мне бы очень хотелось покинуть, наконец, это место. Всего Вам доброго, — с этими словами он предложил стоящей рядом все это время престарелой даме руку, после чего они тихо и не спеша вышли из церкви.

Теперь кроме меня здесь никого не было, и я решил подойти к гробу миссис Джеферсон, чтобы еще раз взглянуть вблизи на ее раны. Каждый мой шаг отдавался звонким эхом, уносящимся куда-то вверх, в церковные своды. Тело было облачено в богато расшитое платье и укрыто сверху белой вуалью, черные волосы миссис Джеферсон обрамляли лицо, принявшее уже вид мертвенной бледности и покоя. Отдернув слегка вуаль, я увидел рану на лбу. Нет, она не была глубокой, она была как бы вырезана на коже. Нашупав рану на шее, которая была уже вымыта и зашита, я отметил для себя ее длину. Ровно от уха до уха, как и в первом случае.

— Что Вы здесь делаете? — послышался вдруг голос, доносящийся из-за спины. Резко обернувшись, я увидел священника.

— Ничего, отец, просто пришел попрощаться с ныне покойной миссис Джеферсон.

— Так Вы ее хорошо знали?

— Нет, не очень хорошо, только первые впечатления. А Вы?

— Я? — удивленно переспросил священник, — я многих знаю, хотя бы по долгу своей службы. Конечно, миссис Джеферсон никогда не приходила на исповедь, она считала ниже своего достоинства обличать себя или свои поступки перед простым смертным. Но она

частенько бывала на воскресных мессах. И знаете, она садилась всегда только здесь, — сказал он, глубоко вздохнув и указав рукой на самую середину первой скамьи.

— Отец Шон, — продолжал я, — а Вы в курсе посланий на телах жертв, оставляемых убийцей?

— Нет, сын мой, я ведь не доктор, а газеты меня мало интересуют, они сеют сплетни и зло, а тело доходит до меня уже в несколько ином виде: чистым и убранным, готовым отправиться в свой последний путь.

— Ну да, конечно, — произнес я задумчиво, — но возможно, Вы бы могли помочь мне кое в чем?

— Если это в моих силах, то непременно. В чем суть вашей просьбы?

— Взгляните, — сказал я, протянув бумажку с написанным на ней посланиями с тел жертв, — как Вы думаете, отец, что бы это могло означать?

— Ах, это, — произнес священник, взяв ее в руки и быстро пробежавшись глазами по тексту, — очень просто, сын мой, это цитаты, взятые убийцей из книги притчей Соломоновых.

— А что представляет собой эта книга?

— Да я смотрю, вы Библию даже не перелистывали ни разу. Соломон был великим царем. Он не просил Бога ни о славе, ни о золоте, а только лишь мудрости и знания. Услышав его, Бог даровал ему то, о чем так просил царь. Впоследствии Соломон написал три тысячи притчей, которые и записаны в Священном Писании.

— Спасибо, святой отец, Вы очень помогли мне, — сказал я, собираясь уж было идти, но священник остановил меня.

— Пойдите, — сказал он внезапно, — вот, возьмите, — произнес он, протягивая мне маленькую книжечку в черном переплете.

— Что это?

— Думаю, что эта та единственная вещь, которая могла бы помочь пролить свет истины и разрешить все ваши вопросы.

— Благодарю, — сказал я и стремительно направился к выходу. Поместив данную мне маленькую книжицу во внутренний карман любимого плаща, служившего мне верой и правдой.

Итак, теперь мне предстояло направиться к Чарльзу Рэмону для предоставления ему отчета о проделанной мною работе, как и было условлено. Через ближайший переулок я вышел на главную улицу и направился вперед вдоль лавок, торгующих всевозможными мелочами, маленького галантерейного магазина, швейной мастерской и тому подобных общественных заведений, скрашивающих быт простого народа. Народу на улице было, как всегда, много, и даже ненастная погода не могла нарушить бурное течение жизни городских жителей.

— Мистер Болт — послышался сзади юный звонкий голос.

— А, — сказал я, обернувшись. — Мадлен!

Мадлен была знакомой мне юной барышней, она работала в прачечной недалеко от этого места.

— Ах, мистер Болт, Вы совсем забыли про меня, не заходите, и когда же, наконец, мне удастся завоевать ваше внимание!

— Ну что ты, Мадлен, я только и думаю о тебе, все мое внимание принадлежит тебе, — сказав это, я ущипнул милашку Мадлен за приятную округлость ее тела. Мадлен взвизгнула и, рассмеявшись, убежала.

Приподняв тем самым себе настроение, я решительно зашагал по улице. Проходя по

очередному переулку, я увидел женщину. Она стояла возле двери, над которой красовалась надпись «Мадам Ди Пуасье». Это была женщина средних лет, с темными каштановыми волосами, закрученными в упругие локоны и затейливо подобранными широкой атласной лентой. Женщина была одета в шикарное, но при этом строгое платье нежно-голубого цвета. Проходя мимо, я заметил, сколь пристален был ее взгляд. Остановившись подле нее, я спросил:

— Мы знакомы?

— Нет, но я знала, что Вы пройдете по этой улице и зададите мне этот вопрос, — сказала она, немного ухмыльнувшись.

— Простите, я Вас не понимаю, — ответил я, пытаюсь заглянуть в глубину ее темно-зеленых глаз.

— Мадам Ди Пуасье, — сказала она, протягивая мне свою мраморно-белую ручку. — Я предсказываю судьбу.

— Очень рад знакомству, мадам, — сказал я, учтиво поклонившись и поцеловав руку, — но я не нуждаюсь в Ваших услугах, точней, не сочтите это за оскорбление, но я в это не верю.

— Ах, разве Вы удивили меня, мистер? — продолжала она, мягко улыбаясь. — Вовсе нет, но это и не важно. Вы поверите, но позже, точней поздно. Ваши поиски приведут Вас в тупик, из которого Вы не выйдете.

— Какие поиски, мадам, я ничего не ишу.

— Поиски правды, которую Вы так жаждете.

— И что же, — спросил я, решив подыграть, — я найду ее?

— Найдете, но Вы не сможете этим воспользоваться. Мне жаль, — сказала она, — прощайте.

— Благодарю, мадам, за попытку участия в моей судьбе, — сказал я и, оставив женщину наедине с самой собой, удалился прочь.

Ну вот, кто бы мог подумать, что я встречу гадалку, которая мне еще и неприятности напроорочит. Впрочем, какое мне дело до ее слов, она ведь говорила довольно общими фразами, успокаивал я себя, «поиск правды», «тупик»... все люди ищут истину в своей жизни. Вопрос только лишь в ее проявлении и многогранности. Не заметив дороги за всеми этими мыслями, я очутился около особняка мистера Рэмона.

Пройдя за ограду и не найдя снаружи дома ровным счетом никого, я решил обойти особняк и осмотреть землю, просто из любопытства. Я шел по узеньким дорожкам вдоль уже опавших, некогда роскошно цветущих деревьев. Листва, валявшаяся под ногами, всегда вводила меня в некоторое уныние, ибо ассоциации, приходившие в голову, были связаны с быстротечностью человеческой жизни. Как же все скоротечно, думал я, еще три месяца назад здесь цвели прекрасные цветы, поражающие роскошью, дарованной им самой природой, с туманящими голову запахами, шелестом ветра внутри, а теперь вся эта красота покоится под ногами и медленно сгнивает в земле, не оставляя и следа. Вот именно так, подумал я, когда-нибудь случится и со мной. Пройдя по аллеям несколько вглубь и никого не найдя, я решил, что мне все-таки придется войти без особого приглашения, так как холодный осенний ветер уже пробрался сквозь мои одежды и начал окутывать мое тело, грозя ему жестокой простудой. Подойдя к двери, я как обычно постучал и, дождавшись ответа, увидел перед собой уже знакомого мне лакея мистера Рэмона.

— Добрый день, я к мистеру Рэмону, доложите ему о моем визите.

— Хорошо, мистер, но господин Рэмон сейчас занят переговорами со своим деловым партнером, боюсь, что это может занять некоторое время, поэтому, если Вам угодно, обождите в гостиной.

— Да, конечно.

— Ваш плащ, мистер?

— Пожалуйста, — сказал я, отдав лакею свой уличный плащ.

— Прощу за мной, — сказал лакей, препровождая меня в гостиную. Дойдя со мной до

дверей гостиной, он сказал, что обязательно даст мне знать, как только мистер Чарльз сможет меня принять.

В гостиной было очень тепло и уютно. В задней части комнаты горел камин, около которого была разложена толстая шкура бурого медведя. Рядом стояли мягкие глубокие кресла, погрузиться в которые было одно удовольствие. Подле них маленький столик, на котором лежала небольшая кучка старых газет, служивших, видимо, в качестве развлекательного чтения человеку, привыкшему проводить время в одном из этих кресел, слушая потрескивание горящих поленьев в камине. Немного поодаль стояло восхитительное черное фортепьяно. Оно было очень красиво и поражало меня даже своим внешним видом, стоит ли говорить о звучании, о котором я мог только догадываться. Еще немного дальше стоял роскошный мебельный гарнитур. Итак, постепенно переводя взгляд с места на место, я увидел две фигуры, стоящие в самом отдаленном углу комнаты. Судя по силуэту, одной из них была мисс Ален, а вот вторая была мне совершенно не знакома. Подойдя несколько ближе, я действительно увидел, как и предполагал, мисс Ален с неким молодым господином. На вид господину было лет 35, черные волосы слегка длинноваты для современной моды. Светлая, белесая кожа. Черные брюки, белая рубашка на свободный манер, напоминающая рубашки прошлых эпох, и черный жилет. Было в нем что-то чрезмерно правильное, а я всегда относился с легким недоверием к людям, которые внешне, кажется, не имеют изъянов, так как прошлый опыт моей жизни показывал, что зло часто скрывается под маской невинности.

— Добрый день, мисс Ален, — сказал я, сделав учтивый поклон.

— О, мистер Энтони Болт, если я не ошибаюсь.

— Да, Вы не ошибаетесь, у Вас прекрасная память.

— Благодарю. Кстати, позвольте Вам представить моего друга, мистера Кью Грегори.

— Очень рад, — сказал я, протянув руку моему новому знакомому.

— Взаимно.

— Мистер Грегори, — продолжала Ален, — исключительный человек, он художник, мистер Болт, талант которому дан от Бога!

— О, мисс Ален, Вы не объективны по отношению к моим скромным произведениям, уверен, что Ваше мнение многие бы не разделили.

— Ну что Вы, Кью! Ваши произведения прекрасны. Вы недооцениваете свои таланты!

— Скромность — добродетель, мисс Ален, а я всего лишь сужу трезво.

— А чем занимаетесь Вы, мистер Болт? — спросил он меня.

— О, я, к сожалению, не имею дарований, подобных вашим, мистер Грегори, так, иногда перепадает кое-какая работа в роли сыщика.

— Очень интересно, и что же Вы расследуете сейчас?

— Да так, ничего особенного, — начал было я, но мисс Ален, видимо, принявшая мои речи за ложную скромность, перебила мой монолог.

— Ничего особенного?! — подхватила она, всплеснув от негодования своими тонкими ручками. — Мистер Болт расследует убийство моей сестры! И я надеюсь, что, несмотря на все неудачи полиции, мистеру Энтони удастся пролить свет истины на это дело и наказать столь жестокого человека!

— Вот как? — произнес Кью Грегори, с удивлением посмотрев на меня, — так Вы, значит, расследуете дело Апостола?

— Да, с некоторого времени.

— Ну и что Вы думаете об этом деле?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, у Вас уже есть догадки, домыслы, может быть, даже подозреваемый?

— О, вас так интересует это дело?

— Ну как же, весь Лондон интересуется этим делом! Ну, так Вы не ответили на мой вопрос.

— Да, у меня есть некоторые догадки, а возможно, и подозреваемый.

— Неужели?! А позволите полюбопытствовать?

— Это только мои догадки, так сказать, наброски будущей картины, понимаете?

— Конечно, конечно. Но все же столь злободневная тема. Как Вы думаете, кто этот человек, почему он убивает?

— Я не могу с точностью сказать, кто этот человек, пока не могу, но одно мне ясно совершенно точно: он религиозный фанатик, мистер Грегори. Именно фанатик, возомнивший себя Богом, возомнивший, что он вправе судить людей и решать их судьбы.

— А Вы?

— Что я?

— Вы ведь тоже судите его, разве нет?

— Сужу, но не приговариваю.

— А Вы еще и философ, мистер Болт, — сказал он, посмотрев на меня с легкой усмешкой. — Нам надо будет устроить с вами поединок философов, как Вы к этому относитесь?

— Обещаю, как только я поймаю убийцу, мы обязательно с Вами пофилософствуем.

— Ну что же, Ваша непоколебимая вера в свои силы приятно поражает, думаю, теперь Лондон может спать спокойно.

— Не сомневайтесь, — сказал я, изобразив на лице дружескую улыбку. — Кстати, а где можно ознакомиться с вашими работами?

— О, как правило, я работаю для частных коллекций, поэтому я сомневаюсь, что Вам удастся найти мои картины в новомодных ныне выставочных салонах.

— Очень жаль, мисс Ален так нахвалила ваше дарование, что теперь мне бы непременно хотелось взглянуть на ваши шедевры.

— Между прочим, мистер Болт, Кью как раз собирается писать мой портрет, так что по окончании работы я непременно дам Вам ознакомиться с этим произведением искусства, — сказала Ален.

— Прекрасно, мисс Ален, буду ждать с нетерпением. Но может быть, Вы писали портреты кого-нибудь еще из этой семьи или, может быть, друзей этой семьи, например, мисс Маргарет Стоун?

— Нет, мистер Болт! Я бы никогда не стал расходовать свои краски на написание портрета такой женщины, — сказав это, он взял свой недопитый стакан виски, стоявший на столе подле него и, отойдя ближе к камину, уставился на потрескивавший внутри него огонь.

— Простите, — начала мисс Ален. — Кью очень правдивый, он всегда говорит то, что думает. А мисс Стоун ведь пользуется такой дурной репутацией, в то время как Кью — человек очень набожный. Ну, Вы понимаете, творческая личность, не судите его строго.

— Все в порядке, мисс Ален, каждый вправе придерживаться того мнения, которого ему хочется. Это нисколько не задевает меня лично, к тому же мисс Стоун мне также знакома лишь понаслышке, поэтому возможно, что если мистер Грегори позволяет делать себе подобные выпады, у него есть на это основания.

— Я рада, мистер Болт, что Вы все правильно понимаете. Кстати, Вам уже удалось что-нибудь выяснить о гибели Эрин?

— Совсем немного. Дело Апостола не столь простое. Сегодня я как раз пришел с визитом к Вашему отцу для предоставления ему отчета о проделанной мною работе. К сожалению, я не имею возможности поговорить со всеми теми людьми, что были знакомы с мисс Эрин. Едва ли они захотят обсуждать со мной свои отношения с мисс Эрин, да и к тому же я не имею чести быть с ними знакомым.

— Ну, последнее, мистер Болт, легко поправимо. Я хочу пригласить Вас на бал. Он состоится через пару недель в нашем доме.

— Бал? А не слишком ли скоро после кончины Эрин?

— Да, я понимаю, что Вы имеете в виду, но общество диктует нам свои правила, — сказала она, опустив в пол взгляд печальных глаз.

— Да, конечно.

Вдруг за спиной послышались шаги. Это был Бэрн — лакей Рэмона.

— Мистер Рэмон ждет Вас, — сказал мне лакей, показав учтивым жестом дорогу к выходу из гостиной.

— Мисс Ален, — сказал я, поцеловав руку девушке, — я был очень рад повидаться с Вами вновь. С нетерпением жду бала. Сделав легкий реверанс, мисс Ален пожелала мне всего доброго, также высказав надежду на скорую встречу.

— Был рад знакомству, мистер Грегори.

Обернувшись, мистер Кью поднял бокал за мое здоровье и направился к мисс Ален, я же, последовав за моим провожатым, вышел из гостиной. Мы прошли по длинному коридору, выйдя к уже знакомой мне главной лестнице, неподалеку от которой располагался кабинет мистера Рэмона. Войдя в кабинет первым, Бэрн громко продекламировал: «Мистер Болт». После чего, отойдя немного в сторону, впустил меня в комнату.

— Спасибо, Бэрн, ты можешь идти. Проходите, мистер Болт.

Я прошел вглубь комнаты. Мистер Рэмон, как всегда, сидел в своем кресле, крутя в пальцах толстую дорогую сигару.

— Добрый день, мистер Рэмон, — сказал я, протянув руку.

— Добрый, ну как продвигается расследование? Вам уже удалось что-нибудь выяснить? И, кстати, мистер Болт, Вы в курсе, что на могиле моей дочери совершено хулиганство, Вам что-нибудь известно об этом обстоятельстве?

— Боюсь, что известно. Это, как Вы изволили выразиться, обстоятельство совершил я.

После такого откровенного заявления мистер Рэмон с минуту изумленно смотрел на меня. В комнате царил абсолютная тишина. После чего, нарушив это безмолвие, он сказал:

— И как это понимать? Будьте любезны дать объяснения!

— Понимаете ли, мистер Рэмон, мне необходимо было осмотреть тело вашей дочери.

— Да, но я ведь дал Вам на это письменное разрешение!

— Я прекрасно помню это, мистер Рэмон, но возникшие непредвиденные трудности в виде смотрителя кладбища не дали мне возможности совершить все по закону. Мне жаль, что так вышло, но я действовал в Ваших интересах.

После этих слов злость, бывшая на лице мистера Рэмона, плавно перетекла в негодование и, скривив недовольное лицо, старик пробурчал:

— Знаете, мистер Болт, я, конечно, прошу Вас это обстоятельство, так как именно с моей подачи Вы занялись расследованием и в моих интересах обеспечить вам возможность беспрепятственно действовать, даже если эти действия будут вне закона.

— Я знал, что Вы правильно расцените мой поступок.

— Да, да, но полиция все еще ищет того, кто был на кладбище в ту ночь, но не волнуйтесь — Вас-то я оправдаю.

— Благодарю.

— Итак, а теперь расскажите мне, что Вам удалось выяснить об этом убийце?

— Я осмотрел тело мисс Эрин, все было именно так, как написано в отчете доктора Прайса. Для меня не совсем понятно само орудие убийства. Доктор Прайс предполагал, что это нож, я готов поспорить на что угодно, что это не так. А еще, не так давно был обнаружен труп некой женщины. Все раны на ее теле были идентичны ранам на теле мисс Эрин. Отличались только лишь послания религиозного характера, которые убийца оставляет на телах жертв.

— Что за послания?

— Насколько мне удалось выяснить, это цитаты из книги притчей Соломоновых.

— Притчей? — удивился мистер Рэмон.

— Да, именно. По моим предположениям, убийца может быть религиозным фанатиком.

— Да, но при чем тут Эрин?

— Я не знаю, как он выбирает жертв, мистер Чарльз, но выбирает он их, чтобы карать.

— Карать?

— Ну да, судить их подобно Богу на земле за их поступки.

— Ммм, а что-нибудь еще Вам известно?

— Да, некая женщина утверждает, что видела убийцу, говорит, что он в рясе.

— Священник?

— Не думаю, мистер Рэмон, согласитесь, это было бы слишком просто. Его не могут поймать, никто не видел его лица, он не оставляет следов. Значит, он очень методичен, тщательно продумывает свои шаги. А в таком случае надеть священнику рясу и писать религиозные послания было бы равносильно чистосердечному признанию.

— Да, Вы правы.

— Остается только одно — ждать.

— Спасибо, мистер Болт, Вы прекрасно выполняете мое поручение. Надеюсь, в скором времени Вам удастся узнать что-нибудь еще, что могло бы нам помочь.

— Конечно сэр, я тоже на это надеюсь. Кстати, Ваша дочь пригласила меня на бал, который вы устраиваете, надеюсь, вы не будите против, если я приду, воспользовавшись ее любезностью?

— Вы любитель танцевать? — спросил старик, хмуро посмотрев на меня.

— Нет, ничего личного, мистер Рэмон. Просто этот бал мог бы дать хорошую возможность пообщаться с друзьями мисс Эрин и лучше понять круг ее интересов.

— А, ну это другое дело. Конечно, мы с радостью будем ждать Вас.

— Благодарю. Сэр, а кто такой Кью Грегори, я видел его сегодня, пока ждал Вас в гостиной.

— Кью — это недавний знакомый нашей семьи. Он художник и к тому же талантлив, что сейчас редкость. А почему Вы вдруг заинтересовались его личностью?

— Да так, просто профессиональная привычка, — сказал я, изобразив улыбку на своем уже немного уставшем лице.

— Ну что же, мистер Болт. Я Вас более не задерживаю. Благодарю, что вы посетили нас, — сказал старик, улыбаясь. — Жду вас в скором времени вновь.

Пожав руку мистеру Рэмону, я удалился прочь.

Вот за что я действительно не люблю осень, так это за ранние сумерки, спускающиеся на город. Дни становились все более и более короткие, а это, в свою очередь, придавало еще больший колорит общей картине уныния. Перескакивая через грязные лужи, разливающиеся океанами по старой мостовой, я направился в сторону любимой мной ныне таверны.

Не знаю почему, но я чувствовал себя очень уставшим последнее время, особенно до начала этого дела, заняться которым мне любезно предоставила моя судьба. Жизнь моя до него протекала в мелких бессмысленных заботах, которые захватывали меня каждодневно, хотя возможно, что подобные мои рассуждения не стоят и ломаного гроша, многие рассуждают подобным образом. Разница была лишь в том, что мое сознание, к сожалению, не принимало подобного хода вещей. Я все время ждал чего-то, надеясь на удивительную судьбу, и даже теперь глубоко в душе я был абсолютно уверен, что дело, которым я сейчас занимаюсь, и есть часть той судьбы, столь вожаделенной для меня.

Мой поход в таверну был лишь отчасти вызван накопившейся усталостью и желанием отдохнуть. Обратной стороной медали, более важной и волновавшей мое нутро, была тревога за Джека. После разговора с мистером Рэмоном я понял, что за то деяние, которое мы совершили на кладбище той злополучной ночью, ответить придется в любом случае. А так как меня мистер Рэмон выгородит в силу своей заинтересованности в моей свободе и деятельности, то Джеку придется ответить за нас обоих. Я знал нынешние законы Лондона, к тому же, судя по сноровке Джека, ему наверняка не раз приходилось совершать какие-то

противозаконные вещи. Попасться сейчас в руки полиции, да еще как раз по причине тела, имеющего отношение к серийному убийце, означало бы подписать себе смертный приговор. Думаю, что полиция с превеликой радостью повесит на первого провинившегося все нерешенные донныне вопросы. И хотя Джек был для меня не более чем случайным знакомым, я был благодарен ему, ведь он не только помог мне той ночью, но и спас, проведя безопасным путем. Посему теперь я чувствовал себя несколько обязанным ему, и самое малое, что я мог бы теперь сделать, — это предупредить о нависшей над его головой туче.

Итак, не заметив пути за собственными размышлениями, я добрался до таверны. Войдя внутрь, я направился к свободному столику и, усевшись, принялся высматривать Джека среди посетителей. В дальнем углу сидела кучка пожилых моряков, одного из них я видел еще тогда, когда искал себе помощника. И, как мне казалось, видел я его именно в компании Джека. Возможно, они были приятелями, подумал я.

Судя по настроению, которое кружилось над их столиком, словно воронье над добычей, их разговор носил явно не развлекательный характер. По их лицам было видно, как они обсуждали нечто серьезное, нечто действительно заботящее и одновременно огорчающее их. В этот момент в таверну вбежал молодой юноша и, подскочив к их столику, что-то сообщил им, что-то, предназначавшееся, видимо, только для их ушей. После сообщения, которое принес им этот вестник, я заметил, как их компания еще более поникла. Все это мне очень не нравилось, у меня было внутреннее ощущение, что все происходящее за тем дальним столиком имело непосредственное отношение к Джеку. Вдруг я увидел Шери.

— Шери! — окликнул ее я.

— А, Энтони, это ты. Какими судьбами? Соскучился по мне или по моему чудному вину? — сказала она, лукаво улыбнувшись.

— Шери, ты же знаешь, все мои мысли только о тебе, — после этой фразы девушка расплылась в улыбке, ожидая, судя по всему, логического продолжения диалога в нужном направлении.

Конечно, Шери Нортон не была той женщиной, которая готова продаться за деньги всем и каждому. Но в тоже время общение со мной на подобных началах было выгодным ей вдвойне. Как говорится, «хвала тому, кто сумеет соединить полезное с приятным». Так вот ей как раз удавалось воплощать это в жизнь. К тому же, оплачивая ее услуги, я не считал это чем-то предосудительным. Но сейчас, однако, мне было не до того.

— Шери, я ищу Джека, — сказал я, серьезно посмотрев ей в глаза.

— Джека? — изумленно переспросила она.

— Да, тебе известно, где он?

— Конечно, — ответила она, — и не только мне одной.

— Что ты имеешь в виду?

— Джек арестован, разве ты не знал?

О Боже, как же изумила меня эта фраза, кажется, все самые дурные опасения начинали воплощаться в жизнь. Сердце мое сжалось в предвкушении грядущей беды.

— Нет, я не знал. Когда это произошло, где он сейчас? — спрашивал я девушку, захлебываясь в словах от нараставшего внутри нетерпения.

— Я не знаю. Подойди вот к тем морякам, они уж наверняка тебе скажут.

Я стремительно подскочил к тому самому столику, за которым, как мне казалось прежде, дело касалось участи Джека. Увидев меня, моряки неожиданно замолчали и вопросительно уставились на мою персону.

— Я друг Джека, — сказал я им, — я ищу его.

— О, друг, да ты немного опоздал.

— Где он?

— Разве ты не слышал, друг, сегодня утром к Джеку пришли полицейские. Его обвинили в надругательстве над могилой дочери какого-то богатого сумача, а теперь еще и хотят повесить на него все убийства.

— Но как это возможно? Джек ведь...

— Вот и я говорю, как? Конечно, мы и сами знали старину Джека — и ограбить мог и в драку влезть, но чтобы убийства... нет!

— А где же его искать, куда его увели?

— Ну, я, конечно, не специалист, по тюрьмам бывать не приходилось, но думаю, что его повезут как раз на ту сторону реки, знаешь, там ведь городская тюрьма. Всех крупных преступников отправляют именно туда, ну, по крайней мере, мне так говорили.

— Эх, бедный старина Джек, — продолжали они причитать, заливая горе по другу обильным количеством вина. Поняв, что более добиться от них ничего не удастся, я вышел из таверны с твердым намерением помочь Джеку, или, по крайней мере, хотя бы попытаться это сделать. Дело шло уже к ночи, улицы постепенно пустели, но мне было просто необходимо увидеть сейчас Джека, слишком возбужден был мой юный рассудок. Я нашел свободного извозчика и уселся в повозку.

— Куда едем, мистер? — спросил он уставшим голосом — К парому, мне надо к парому, — ответил я без промедления, и повозка тут же двинулась в путь.

Добравшись до парома без каких-либо проблем, я расплатился с извозчиком, дав ему пару монет, один лишь вид которых, судя по всему, его очень воодушевил, и направился к реке. На самом пароме никого не было. Еще бы, думал я, час уже поздний, едва ли тюрьма является столь посещаемым местом, что паромщик работает здесь круглосуточно. Скорей всего, его рабочий день был уже давно окончен, и он где-нибудь спокойно почивал сном младенца.

Оглянувшись вокруг, я увидел маленький клочок света, исходивший из окна чьего-то дома. И так как других вариантов у меня все равно не было, я направился на тот самый клочок света. Подойдя ближе, я увидел небольшой домик, построенный, а точнее сколоченный из досок темно-коричневого цвета. Судя по всему, этому дому был уже не один год. Так, фасад его выглядел уже немного покосившимся, а доски, из которых он был построен, — несколько потрепанными и прогнившими. Дом был, конечно, очень бедным, и для меня как для нынешнего лондонского жителя среднего достатка, даже несмотря на мою непостоянную работу, подобная бедность была настоящим откровением.

Поднявшись на несколько ступенек, также уже дышащих на ладан, я постучал в дверь. Постояв с минуту и убедившись в отсутствии ответа, я постучал еще раз, но теперь уже кулаком и более сильно и настойчиво. В доме сразу же послышались какие-то звуки, грохот посуды, потом ругань, и, наконец, скрип открывающейся двери. В лицо сразу же ударил яркий свет фонаря, которым любезный хозяин осветил порог, направив его лучи прямо мне в лицо.

— Что надо, кто вы? — резко спросил он.

— Прошу прощения за беспокойство, мне нужен человек, работающий на том пароме, — ответил я учтиво, указав рукой в сторону старого парома.

— Ну, я это, дальше что?

— Мне необходимо переплыть на ту сторону.

— Да ты что, в своем уме? На время-то смотришь?

— Я заплачу тебе, мне необходимо попасть к городской тюрьме.

— Вот чудной человек, первый раз вижу, чтобы так рвались в подобное место.

Мы молча посмотрели друг на друга с минуту, после чего, опустив фонарь, он сказал:

— Ладно, поехали, но учти: я возьму двойную плату.

— Хорошо, — буркнул я в ответ.

Уйдя на некоторое время вглубь дома, он взял плащ, потушил свечу, стоявшую на

столе, свет которой, видимо, я и видел в окне и, затворив за собой дверь, вышел на улицу. Добравшись до реки, мы взошли на паром и, оттолкнувшись веслом от берега, двинулись в путь. Лодка медленно и плавно скользила по уже ночным водам лондонской реки.

— А что же тебе вдруг понадобилось в таком месте?

— Я ищу одного человека, его арестовали сегодня утром.

— Утром, говоришь, — задумался паромщик, — постой, так утром я видел, как стража вела старину Джека.

— Джека? — переспросил я.

— Ну да, ты его ищешь?

— Да. Его. А откуда ты его знаешь?

— Ну так у нас с Джеком общая стихия обитания, — сказал он, громко рассмеявшись.

— То есть? — спросил я.

— То есть вода. Он ведь моряк, а я паромщик. Мы хорошо знали друг друга. Жаль, конечно, старину Джека. Пострадает он ни за что.

— Вот и мне жаль, — ответил я, печально опустив голову.

— Ну, и чем ты думаешь ему помочь?

— Не знаю пока, но я должен это сделать!

— Ммм... видимо, старина Джек здорово тебя выручил, если ты чувствуешь себя настолько обязанным.

— Да, он очень помог мне.

— Ну, ты то вряд ли сможешь ответить ему тем же, — сказал паромщик, продолжая тяжело грести веслами.

— Почему? — возмутился я.

— Ну, рассуди сам, городская стража так долго искала преступника, а тут такая удача им сама в руку плывет, Джек ведь совсем не агнец.

— То есть?

— Да разные за ним грешки то водятся.

Поэтому-то он так легко согласился на такую работу, думал я про себя. И провел ведь меня ходами всякими... Бедняга Джек, если бы он тогда не согласился идти со мной, возможно, сейчас ничего бы этого не было.

— А что это за ним такого водится? — спросил я паромщика с легкой надеждой в голосе — мне хотелось надеяться, что в действительности, если не считать нашего с ним преступления, ничего явно противозаконного он не делал. И если бы мне удалось уговорить мистера Рэмона помочь Джеку, это могло бы быть его спасением.

— Ну, если Джек сам тебе ничего не рассказывал, значит не надо. Скажу только то, что всех его прегрешений вполне достаточно для места на эшафоте.

После этих слов мы оба умолкли, и остаток дороги провели в тишине. На улице уже было очень темно. Вода была чистая, прозрачная и только множество опавших листьев колыхалось на ее поверхности. Где-то там, вдалеке, небо и река соприкасались поверхностями, образуя единое черное полотно, отражавшее яркие блики ночных звезд. Было уже около полуночи, я не знал, зачем я туда еду, что я там скажу. Только сейчас, немного отойдя от приступа безумства, мой разум стал все расставлять на свои места. Только сейчас я понял, что на дворе ночь, что мне нечего сказать страже, и что я ничем не могу помочь Джеку. Конечно, я не знаю, что именно имел в виду паромщик, говоря, что Джек далеко не агнец, но если предположить, что с Джеком он был знаком куда лучше, чем я, то можно было верить его словам. Внезапно ход моих мыслей был прерван скрежетом дна лодки о мель и голосом паромщика.

— Приехали.

— Спасибо, — сказал я, — вот деньги.

Взяв небольшой кошелек из моих рук, паромщик запустил внутрь него пальцы и, вытащив одну монету, попробовал ее на зуб. Удовлетворившись результатом, он сунул кошелек за пазуху и, дождавшись, когда я сошел на берег, вновь взялся за весло.

— Ну, бывай, — сказал он мне.

— Постой! — крикнул я, — как это бывай? Ты разве не подождешь меня?

— Ну, стану я тебя ждать. Почему мне знать, когда ты вернешься. Ты просил тебя сюда привезти, я привез, а ждать мы не договаривались, — сказав это, он оттолкнулся веслом от мели, и лодка также медленно и плавно заскользила по воде обратно.

— А как мне вернуться обратно? — крикнул я вдогонку уплывавшему парому.

— Подождешь до утра!

Вот ведь чернь! — думал я. Ну ладно деваться-то теперь было все равно некуда, тем более что я сам, по собственной воле заключил себя на этой стороне берега. Пройдя немного вперед, я поднял глаза и увидел то, что прежде мне доводилось видеть лишь с противоположного берега реки — стены городской тюрьмы. Да, место было действительно ужасающим: огромные каменные башни, толстые решетки на окнах, тяжелые дубовые двери. Эта тюрьма была построена в достаточно далекие времена и до нас она дошла почти в своем неизменном состоянии. Ужас и величие, внушаемые ею в души простых смертных, были поистине удивительны. Достаточно было задуматься о том, как много камни этих башен повидали боли и слез, как по спине пробегали мурашки. Обычно я не был сентиментален, но это зрелище устрасало даже меня.

Подойдя к одной из башен, я решил осмотреться, дабы найти вход внутрь. Убедившись, что там, где находился я, его не было, я решил обойти тюрьму вокруг. Подойдя к следующей башне, я увидел большую дубовую дверь, на которой было одно маленькое окошечко с решеткой с тяжелым кольцом, за которое, по всей видимости, стучали в дверь. Взявшись за то самое кольцо, я сильно постучал несколько раз. Видимо, звук вышел очень внушительный и громозвучный, так как почти сразу я услышал какие-то шевеления за дверью и скрип засова, закрывающего то самое окошечко, расположенное на двери.

— Кто? — раздался тяжелый голос по ту сторону двери.

— Я Энтони Болт.

— Ну и что тебе надо?

— Я ищу одного человека, его зовут Джек, он был арестован сегодня утром.

— Ты на часы смотришь? Приходи утром, — после этих слов стражник уже хотел было затворить ставню, но я опередил его, сказав: — Постойте! Я готов заплатить, мне просто нужна информация, — после моих слов в решетке окна появилось лицо стражника. Грубое, небритое, немного запачканное сажей. Он сурово посмотрел на меня, спросив:

— Сколько?

— Вот, — ответил я, протянув ему точно такой же мешочек монет, какой давал паромщику некоторое время назад. Взяв через решетку мешочек с монетами, стражник проверил подлинность монет, после чего поднял на меня взгляд.

— Спрашивай, — сказал он.

— Этот человек, Джек, он у Вас?

— Да, его привели сегодня с утра.

— За что его арестовали?

— Я точно не знаю. Протокол составится только на суде, а суд этого моряка будет лишь завтра.

— Неужели тебе совсем ничего не известно?

— Я знаю лишь то, что он разрыл могилу дочери одного богатого господина, мистера Чарльза Рэмона, кажется.

— И это все? — спросил я, испытывая по-прежнему внутреннее беспокойство.

— Сказал же, не знаю! Приходи завтра к этому же часу.

После этих слов стражник отпрянул от окошка, затворив его на крепкую щеколду. Да, думал я, как скверно принимать решения, будучи не в здравом уме. На дворе уже была глубокая ночь. Северный ветер пронизывал насквозь и сметал все, что попадалось на его пути, и я также не был исключением. Вокруг лишь голые камни, тьма и стены городской тюрьмы. До рассвета было еще очень далеко, а между тем раскинувшееся тело темной реки

отделяло меня от моего дома. Не найдясь, что делать, я решил прогуляться вдоль побережья хладных вод. Река сегодня была практически бесшумна, и лишь изредка небольшая волна, набегавшая на берег, разбивалась о камни, разлетаясь на множество мелких капель. Под ногами мирно покоились камни: маленькие, средние, немного скользкие от воды. Запечатлевшие и хранившие в себе множество сцен и эпизодов жизни людей, попавших в это место; кто случайно, кто за свои прегрешения, кто за ошибки, но в любом случае, всегда платившие свою цену за покупку билета на выход из сего земного ада. Немного утомившись от столь продолжительного бдения, я расстелил плащ на единственное найденное мною сухом месте и, свернувшись калачиком, погрузился в крепкий, глубокий сон.

Проснулся я от совершенно неприятных ощущений на моем лице. Открыв глаза, я понял, что источник этих самых ощущений — грубая женская рука, хлеставшая меня по щекам. Сфокусировав взгляд на ее хозяйке, я увидел старуху, очень неприятную на вид, в старом заляпанном платье, поверх которого был надет не менее ужасный фартук и какая-то заплатанная со всех сторон фуфайка.

— Вот ведь пьян! — ругалась на меня старуха, — напьются ведь, а потом валяются тут, народ стращают!

— Да ты что, старая! — остановил я старуху, схватив ее за руку, — в своем уме?!

— А проспался уже?

— Какая я тебе пьянь! Безумная!

— А ну ступай отсюда, не видишь что ли, сети здесь раскинуты, ступай давай!

Поднявшись с земли и решив, что не стоит опускаться до уровня черни, вдаваясь в склоки с сумасшедшей старухой, я поднял с земли свой плащ и направился в сторону парома под все еще звучащий, но к моему счастью, уже удаляющийся голос старой карги. Дойдя до переправы, я увидел вчерашнего паромщика и, поприветствовав, залез в его лодку.

— Ну что, — спросил меня паромщик, — нашел Джека?

— Да, теперь я точно знаю, что он здесь.

— Ну, так ты уже придумал, как ты его вытащишь? — спросил он меня, хитро ухмыльнувшись.

— Почти. Кстати, сегодня ночью мне опять понадобится твоя помощь.

— Ну знаешь, на ночные переправы можешь больше не рассчитывать.

— Ну ладно, — сказал я, — а мне казалось, тебе нужны деньги.

— Я готов одолжить тебе свою лодку, заплати и плыви сам.

— Договорились!

Через некоторое время мы приплыли к берегу, с которого я отправлялся в путь еще вчера. Отдав паромщику несколько монет за переправу, я направился в центр города. Сегодня в мои планы входило посетить ту самую Маргарет Стоун, с которой я некогда познакомился на кладбище. Насколько мне помнилось, мисс Стоун была близкой подругой Эрин Рэммон, к тому же, со слов Ален, Маргарет пользовалась плохой репутацией в светском обществе в связи со своей эксцентричностью и пристрастием к авантюрам. Как упоминала Ален, мисс Стоун жила на улице Уолт Стрит, находившейся не так далеко от самого сердца Лондона. Поэтому именно туда и лежал ныне мой путь.

Вспомнив по дороге, что еще со вчерашнего вечера во рту у меня не было и крошки хлеба, я заглянул в местную пекарню, владелицами которой была семейная чета Мэрилов, и, купив свежую, еще пропитанную жаром печи булку, принялся за свой завтрак.

Дойдя до улицы пересекавшейся с Уолт Стрит, я свернул за угол и, пройдя еще некоторое количество домов, очутился перед жилищем мисс Стоун. С виду дом не представлял ничего особенного, я бы даже сказал, вообще ничего. Это был не очень большой

дом в два этажа, стены, бывшие когда-то белыми, несколько потемнели и поиздержались от времени. На верхних окнах виднелись аккуратные ставни и тяжелые шторы, способные скрывать, при желании, жизнь молодой женщины от посторонних глаз. Небольшой сад, примыкающий к дому, был в совершенно запущенном состоянии, что сразу указывало на редкое пользование этой частью жилища.

Подойдя к входной двери, я постучал. Через некоторое время внутри дома послышались шаги. Еще через некоторое время дверь отворилась. Передо мной стояла негритянка, видимо, служанка мисс Стоун, темнокожая женщина средних лет, возможно, около 30. Немного полновата и, если можно так выразиться, водяниста. На ней было надето светлое платье, рукава которого были закатаны немного повыше локтя. Небольшой фартук, отдававший лимонным оттенком и белый платок на голове, замотанный каким-то странным образом, не понятным для моего простого ума.

Она внимательно посмотрела на меня своими карими глазами, выдающими ее внутреннее спокойствие и невозмутимость, после чего спросила:

— Кто Вам нужен?

— Я пришел к мисс Маргарет Стоун, она здесь живет?

— Да, вы не ошиблись, мисс Стоун живет здесь. Прошу, проходите, — после чего она любезно посторонилась, уступив мне дорогу в дом. Войдя внутрь дома, я еще раз убедился, как же обманчив бывает внешний вид. Внутри дом выглядел совсем иначе. Просторный светлый холл, белые колонны, украшенные венецианской штукатуркой. Огромная люстра под потолком, сделанная, должно быть, из хрусталя. Толстый ковер, привезенный, по всей видимости, откуда-то с востока, покоился на безупречно гладком мраморном полу. Да, должен признаться, что подобная роскошь и расточительность хозяйки несколько поразили меня.

Негритянка закрыла за мной дверь и пригласила пройти в гостиную комнату. Войдя, я был поражен ничуть не меньше. Обстановка была очень приятной, я бы даже сказал, упоительной, хотя немного и неподобающей для молодой приличной женщины, живущей одной. В гостиной были большие окна, украшенные занавесями из габардина, настолько плотного, что проходившие мимо дома зеваки едва ли могли увидеть происходящее внутри дома. Габардин этот был соткан в лучшем английском стиле, так что мог порадовать глаз даже самых притязательных гостей этого дома. Невдалеке от окна располагалось черное пианино, которое служило неременным атрибутом любого «приличного» дома. Кстати говоря, оно было совсем не запыленное, из чего можно было сделать предположение о частом использовании оно, хотя это, конечно, и не показатель. Немного дальше стоял мягкий гарнитур, вот это было действительно зрелище. Огромный диван, обшитый пурпурным бархатом, соблазнявший своей мягкостью и воздушностью, и подобные ему кресла. Картину завершала сама хозяйка дома, раскинувшаяся на диване во фривольной позе. В пальцах женщины красовался черный блестящий мундштук, которым она периодически затягивалась, выпуская затем из своих пухлых губ белые клубы сигаретного дыма. Вот теперь я действительно увидел истинное лицо мисс Маргарет Стоун. Увидел все те прелести и красоту, сокрытые от меня при первой нашей встрече черной накидкой, в которую было облачено ее тело. Итак, мисс Стоун: черные как смоль волосы, собранные в высокую прическу, открывающую ее длинную, тонкую шею с мраморно-белой кожей. Пышный бюст, соблазнительно утянутый корсетом, который вот-вот грозил лопнуть от своего натяжения. Пышная юбка, переливающаяся игрой шелка или, скорей всего, тафты. И, наконец, небольшая туфелька, край которой хитро выглядывал из-под подола. Лицо мисс Стоун выражало лукавство и заинтересованность одновременно. Набравшись духу, я начал так:

— Добрый день, мисс Стоун.

— А, это Вы, — сказала она, заиграв улыбкой и снова затянувшись мундштуком.

— О, Вы помните меня, я очень польщен.

— Ну, помню — это громко сказано. Между прочим, в тот день Вы даже не соизволили открыть мне тайну вашего имени, мистер, — сказала она, вопросительно посмотрев на меня

своими черными блестящими глазами, которые просто пронизывали все мое существо.

— О, простите. Я надеюсь, Вы забудете мне мою рассеянность и невнимательность? Мое имя Энтони Болт.

— Хорошо, я прощу Вас, — сказала она, рассмеявшись.

Не знаю почему, но при разговоре с ней я чувствовал себя очень неловко. Каждое слово, сказанное ею, заставляло содрогаться мою душу, словно тонкие струны арфы, отдающие звуком в унисон.

— Итак, мистер Болт, что же Вас ко мне привело, опять долг службы?

— Отчасти, мисс Стоун.

— Так, очень любопытно, в прошлый раз долг службы привел Вас на кладбище, а в этот раз, стало быть, ко мне? — после этой фразы она приказала служанке принести чай.

— Почти, мисс Стоун, — ответил я, немного смутившись, — моя служба заставляет бывать меня в разных местах.

— Ну, надеюсь, что визит сюда, по крайней мере, Вам будет более приятен?

— Мисс Стоун, видеть Вас для меня счастье.

— Ну хорошо, вы почти оправдались, — сказала она, рассмеявшись, и предложила затем чашку чая, который как раз принесла ее служанка. Я присел на кресло, стоящее рядом с диваном, утопая в мягкости и терпкости духов и сигаретного дыма одновременно. Ее глаза внимательно следили за каждым моим движением, то ли оценивая, то ли изучая, но ни на минуту не упуская ни одного моего движения. Я взял в руки чашку из тонкого фарфора и осторожно поднес к губам, сделав небольшой глоток.

— Ну как? — спросила она.

— Простите?

— Как Вам чай? Его привез мне один друг из Франции.

— А, чай изумителен, Ваш друг сделал Вам прекрасный подарок.

— Ну, так кем же вы служите?

— Я нанят отцом мисс Эрин Рэмон для расследования дела о ее смерти.

— Ах, — вздохнула она, — бедняжка Эрин, — после чего, выдержав небольшую паузу, снова продолжила: — Так Вы ищете Апостола?

— Да, пытаюсь.

— И чем же я смогу быть Вам полезной?

— Я беседовал с мисс Ален Рэмон, она говорит, что Вы были подругой Эрин, это так?

— Да, мистер Болт, так.

— Тогда может быть, Вы сможете мне что-нибудь рассказать о ее жизни?

— Я не знаю, что Вам рассказать. Эрин — человек, ведущий яркую насыщенную жизнь, свободную от предрассудков и ханжества, в отличие от многих других. Много знакомых, много поклонников. Конечно, убийцей мог быть кто угодно, хотя... — задумалась она на минуту.

— Что «хотя»?

— Ну, понимаете, мистер Болт, я не верю в то, что убийцей мог быть кто-то из окружения Эрин.

— Почему?

— Она не собирала вокруг себя религиозных фанатиков, читающих нравоучения и порицающих свободные нравы. Скорей всего, это был кто-то случайный в ее жизни.

— А что Вы имеете в виду под фразой «свободные нравы»?

— Я имею в виду под ней то, что говорю, — сказала она, заулыбавшись.

— Мисс Стоун, это серьезно, — сказал я, строго посмотрев на нее.

— Ну хорошо, хорошо. Я имею в виду, что Эрин не придерживалась всего этого напускного этикета. Она свободно общалась с мужчинами своего круга. Вы меня понимаете? — спросила она, вопросительно посмотрев на меня.

— Думаю, что да, — ответил я несколько неуверенно.

— Ну так вот, думаю, что именно это могло многим не нравиться. Люди ведь такие